Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

КРАСНАЯ ОМЕГА

Часть вторая. Загадка Вождя

Александр Брыксенков

Красная омега. Часть вторая. Загадка Вождя

«Издательские решения»

Брыксенков А.

Красная омега. Часть вторая. Загадка Вождя / А. Брыксенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962749-0

В пятидесятые годы были одноразово арестованы более пятидесяти наиболее талантливых учёных. Без суда и следствия их куда-то вывезли и следы их пропали. В семидесятые года сотрудники Музея обороны Ленинграда занялись расследованием этого дела. Нити расследования привели их в Затихвинье, в посёлок Шугозеро, где на заброшенном в тайге заводе с ними произошли удивительные приключения.А учёные оказались живыми и здоровыми… Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962749-0

© Брыксенков А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 6
РЯДОВОЙ КРЮКОВ 7
ДИМИНА ОПЛОШНОСТЬ 12
ИНТЕРЕСНАЯ БЕСЕДА 15
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРеТ 20
ДРУЗЬЯ ИДУТ НА РИСК 24
МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ 26
ПРИЧЕМ ЗДЕСЬ ДЕВУШКИ? 30
СПЕЦПОДГОТОВКА 33
ГЛАВА ВТОРАЯ 36
НЕМНОГО ЭРОТИКИ 37
ПОТЕРЯ НЕВИННОСТИ 39
БАННЫЙ ЭПИЗОД 42
ЯГОДНИКИ 46
ЧАРЫ ОПЕРЫ 48
НЕАПОЛИТАНСКИЙ ОРКЕСТР 51
КЛАССИКУ В МАССЫ 54
МЫ ИДЕМ НА «АИДУ» 58
ЭКСПОЗИЦИЯ, РАЗРАБОТКА, РЕПРИЗА 61
«ДЮГОНЬ» 64
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Красная омега
Часть вторая. Загадка Вождя

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

© Александр Брыксенков, 2019
© Андрей Брыксенков, 2019

ISBN 978-5-4496-2749-0 (т. 2)
ISBN 978-5-4496-2496-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Всякий обладает достаточной силой,
чтобы исполнить то, в чем он убежден.

В. Гёте

После перловки и консервов – жареный гусь! Обалдеть!!!

РЯДОВОЙ КРЮКОВ

Прозвучала команда: «Приготовиться к отбою!». Солдаты разведроты потянулись кто в сортир, а кто в курилку. Выполнив в этих общественных местах два весьма нужных предотбойных мероприятия, измотанные за день российские воины с наслаждением возлегли на тощие матрасики своих железных коек.

В положенное время дежурный по роте проорал:

– Р-р-рота! Отбой!

Дневальный вырубил основной свет. Темноту казармы тоскливо подсинило тусклое ночное освещение. Осуществив это действо, страж солдатского покоя подошел к своей тумбочке, стал по стойке «смирно» и четко проскандировал традиционную для роты формулу:

– Слушай, р-р-рота! Еще один день п…й накрылся!

Со скрипучих коек рота дружно выдохнула:

– Да, и х.. с ним!

Выдохнула и немедленно погрузилась в темную зыбь сладчайшего сна. Вместе с ротой погрузился в зыбь и первогодок Дима Крюков.

Юность Димы пришлась на период, когда великая страна, где он жил, называлась «страной героев, страной мечтателей, страной ученых». И это не было бодреньким пропагандистским клише.

Бородатые геологи настойчиво пробивались в пустыни и заполярную тундру, открывая нефтяные месторождения, залежи алмазов, золота, урана. Энергетики создавали гигантские ГЭС, врубались в тайгу для прокладки многокилометровых ЛЭП, эксплуатировали мирный атом. Строители на крайнем севере возводили города; мелиораторы на юге строили каналы, соединяли реки. Ученые упорно и плодотворно раскрывали тайны природы. Инженеры и конструкторы создавали невиданные подводные, надводные и воздушные корабли. Космонавты, невзирая на смертельный риск, совершали чудеса в космосе. Страна бурлила, ходила ходуном и вообще устремлялась…

Ясно, что в такой стране и идеология была соответствующая. Она звала молодежь на свершения, на открытия, на подвиги.

Выпускников средней школы привлекали романтические профессии, и также профессии, где требовалось наличие хорошо организованных мозгов. Громадной популярностью пользовался университетский физмат, Макаровка, Корабелка, Военмех, кафедры электроники и радиотехники, Горный институт, высшие военно-морские инженерные училища, Техническое училище им. Баумана. Конкурс в эти ВУЗы был огромный. Поэтому туда подавали свои документы умненькие юноши и девушки, имевшие в аттестате зрелости отличные и хорошие оценки. Троечникам там делать было нечего.

Наименее уважаемыми институтами были следующие: библиотечный, текстильный, сельскохозяйственный, торговый, культуры, холодильной промышленности, экономический и тому подобные. Молодежь с посредственными знаниями валила именно в эти непристижные институты, где практически не было конкурса.

Среди абитуриентов по рукам ходили разнообразные рифмованные рекомендации. Вот одна, очень характерная:

– Поступайте, дуры,
В институт культуры.
Поступайте, б…и
На журфак, не глядя.
Иногда вместо журфака фигурировал медфак.

Сейчас поневоле думаешь, что может быть потому у нас такая убогая экономика, недалекая пресса, низкая культура, смешное здравоохранение, хреновое сельское хозяйство, что в этих отраслях осели специалисты-троечники.

Дима очень успешно сдал школьные выпускные экзамены и намеревался поступать в Лесотехнический институт. Он очень любил лес и, в целом, природу. Против этого несерьезного намерения решительно выступала Анна Матвеевна:

– Что это за профессия: лесничий? Или лесовод? Чушь какая-то. То ли дело: инженер-кораблестроитель! И специальность везде востребованная, и в армию не заберут (в Корабелке есть военная кафедра), и стипендия неплохая.

Долго и упорно Анна Матвеевна обрабатывала сына. И не безрезультатно. Послушался Дима свою маму и начал учиться строить корабли. Начал, но не закончил: учеба в Кораблестроительном институте ему не понравилась. Уж очень сухие, скучные дисциплины. Что теоретическая механика, что ТММ. А сопромат вообще состоял из сплошных тау и сигм, которые вбивал в головы студентов толстобрюхий с маленькой головенкой профессор, сам в профиль похожий на греческую букву сигму.

Разочарованный Дима покинул институт, чтобы все-таки посвятить себя лесному делу. Тут-то его и прихлопнула призывная повестка из военкомата.

Гражданские мудрики считают, что солдат думает только о том, как бы ему бабца наколоть. Конечно, если солдат несет службу в каком-нибудь лакейском подразделении или выполняет обслуживающие функции, то да, обязательно думает. В частях же, по-настоящему занятых боевой подготовкой, от бабца солдат, понятно, не откажется, но думает он чаще всего о том, как бы ему половчее вздремнуть, да побольше поспать. Особенно это характерно для солдат разведывательных подразделений. Они, в силу своей профессиональной специфики, постоянно находятся в движении.

Разведрота, в которой служил Дима Крюков, не была исключением. Она все время бежала. Это происходило в соответствии с планом боевой подготовки, а еще и потому, что осенью дивизия должна была участвовать в крупных учениях, где разведке отводилась очень заметная роль. Марш-броски на 10, 15, 20 километров, кроссы по пересеченной местности, тренировки в беге на 1, 3, 5 км. Вдобавок к этому, учения по преодолению водных преград как

вплавь, так и на подручных средствах, ориентировка на местности, отработка приемов рукопашного боя, ежедневные упражнения для развития силы и выносливости… Всего не перечтешь!

После всех этих тренировок и упражнений сухощавые, без грамма жиринки разведчики рухались в сон при первом удобном случае. Они могли спать на броне грохочущего танка, на огневом рубеже, уткнувшись в бруствер, и даже на унитазе.

Когда Анна Матвеевна получила фотографию сына, где он был запечатлен с лопатой в руках на фоне какого-то барака, она долго плакала. Её мальчик смотрел со снимка на маму громадными глазами, оттененными черными кругами. Кроме глаз в дистрофический гарнитур входили впалые щеки, громадные уши и тонкая шея. Показывая фотографию сына своим приятельницам, Анна Матвеевна горестно вздыхала:

– Вылитый узник Освенцима!

Анна Матвеевна ежемесячно посылала Диме некоторую сумму. После получения пугающе сюрреалистического изображения сына, она эту сумму удвоила. И очень правильно сделала. Потому что не только бабцы, но и сон занимает не главное место в солдатских думах. Главное же, о чем постоянно думает солдат – как бы поесть.

Раньше-то, при Романовых, солдат о еде не думал. Он ежедневно получал, кроме всего прочего, около двух фунтов мяса. При таком харче он спокойно достигал и Берлина, и Парижа, и Рима, не говоря уже о Бухаре и Баязете. В наши дни опыт демократической России дополнительно подтвердил зависимость боевого духа солдата от качества и количества потребляемой им пищи. Оказалось, что если солдата плоха кормить, так он и до собственных границ (например, до чечено-грузинской границы) дойти не сможет.

Больше всех в разведроте голод мучил Диму Крюкова. И все из-за его непомерной брезгливости. Проявилось это его качество тогда, когда дивизию стали обильно кормить парной гусятиной. Гусиное мясо было везде. И в каше, и в картошке, и в щах, и в гороховом супе. Не клали его лишь в компот.

Известно, что армию свежатинкой не балуют. Периодически в государственные и армейские стратегические хранилища закладываются очередные порции продовольствия. Понятно, что ранее заложенные на хранение продукты, срок реализации которых истек, не уничтожаются. Они направляются в войска. Солдаты привыкли к продуктам такого рода, а также и к прочим простецким бакалейным товарам, типа перловки. А тут вдруг, на тебе, парные гуси!

На первых порах и Диму, и его сослуживцев появление в меню блюд с гусиным мясом (вместо обыденных консервов и концентратов) очень вдохновило. Но продолжалось это чувство не долго. Ну, сами подумайте: неделю – гусятина, вторую – гусятина. Так и на хамсу потянет.

На третью неделю гусиной вакханалии народ уже не мог терпеть даже запаха, который шел от кухни, когда на её дворе повара опаливали тушки птиц. Когда же стало известно, что такое деликатесное изобилие излилось на солдат по причине массового падежа гусей на ближайшей птицефабрике, аппетит бойцов стал совсем никакой. Дима же вообще перестал принимать и первое и второе. Он перешел на хлеб с горчицей и на чай. Но не все пренебрегали пада-

лью. Старослужащий Фаддеев, который в столовой сидел за одним столом с Димой, был прост и небрезглив. Он с удовольствием съедал и свою обеденную порцию и нетронутую Димину.

Когда, наконец, павшие гуси были съедены и народ перевели на прежнюю, привычную пищу, Дима снова стал питаться как все. Этот факт с сожалением воспринял боец Фаддеев, так как ему очень понравилось в период Диминого воздержания трескать по двойной обеденной порции. Чтобы и впредь, хотя бы иногда, иметь такую приятность, он решил сыграть на повышенной брезгливости своего соседа. За обеденным столом Фаддеев стал рассказывать какие-то уж совсем гнусные истории из жизни и быта своей псковской деревни. Иногда он добивался своей цели: Дима не выдерживал и выскакивал из-за стола.

Вот и в этот обед. Едва взглянув на блюдо мелко нашинкованной свеклы, политой густым желтоватым соусом, Фаддеев для начала бросил:

– Во! Буряк-то желтыми соплями помазали, да еще и взбитыми.

Он взглянул на Диму и предположил:

– Вкусно, наверное. Они вонюченькие и соленые. Возможно, что и от покойника…

Голодный Дима медленно шел по направлению к солдатскому буфету. Он шел к тете Маше, благодетельнице всего полка. Она кормила солдатиков не только за наличные, но и в долг. Самыми ходовыми яствами у неё были горячие пончики с повидлом и плитки долгоиграющих ирисок. Вот именно эти яства, конечно в долг, и заказал Дима. Тетя Маша достала тетрадку, заведенную на разведроту, нашла Димину фамилию. Под фамилией шел длинный перечень уже потребленного разведчиком продукта. Тетя Маша поставила число, наименование выданного провианта и сумму. После чего сказала:

– Что-то ты, сынок, много поднабрал уже.

– Ничего, тетя Маша. Я скоро деньги получу и расплачусь.

– Поди, мать пришлет?

– Ага.

– А кем она работает-то?

– Экономистом.

– Ну, значит не богачка.

– Да, уж куда там.

Дима нацедил из бака, стоявшего на прилавке, кружку бесплатного чая, прошел в угол и уселся за стол. Он уминал поразительно вкусные пончики и все думал и думал, как бы ему угомонить обнаглевшего Фаддея. Ведь если так будет продолжаться и впредь, то на регулярную поупку пончиков ему никаких мамкиных денежных переводов не хватит.

29.

Салют, тётя Маша!

Морду Фадею не начистишь: старослужащий. И не только поэтому. Фаддеев был раза в полтора крупнее Димы. Такого не уделаешь. Долго думал расстроенный первогодок и, наконец, кое-что придумал.

В очередное воскресенье Дима после завтрака не пошел на стадион, где должны были встретиться футбольные команды танкистов и артиллеристов. Он отправился в лес, на болото. После двухчасовых поисков молодой разведчик выследил и поймал крупного ужа. Посаженное за пазуху безобидное пресмыкающееся по первости нервничало, а потом пригрелось и затихло.

Перед обедом Дима зашел в бытовку, где Фаддеев, готовясь в увольнение, гладил брюки. В помещении было сумрачно. На это и рассчитывал змеелов. Он подошел к своему притеснителю вплотную.

– Тебе чего? – распрямился Фадеев и оцепенел. Прямо перед его лицом покачивалась и шипела змеиная голова. Все в роте знали, что Фадей панически боится змей. Учитывая это, Дима медленно произнес:

– Если ты, гнус, еще раз скажешь гадость за столом, я тебе ночью под одеяло гадюку запущу. Понял? …Понял, спрашиваю!?

– Пошел ты… – вякнул, отступая к стенке, обескураженный Фаддеев.

ДИМИНА ОПЛОШНОСТЬ

В те времена солдаты служили Родине по три года, а матросы и того более – по четыре. Хорошо служили, честно. Но если бы солдат все эти три года бегал, прыгал, преодолевал, уродовался, то до дембеля, скорее всего, не дотянул бы, истощился. Но такого не допускали прагматики офицеры.

Уже в начале третьего года службы опытные солдаты сами особенно не бегали. Они обучали и тренировали молодых. «Старики» не убирали снег, не разгружали вагоны, не копали картошку, не лопатили уголь. На все эти работы они назначались в качестве старших и очень грамотно и эффективно руководили молодыми солдатами. Тогда в армии еще не царствовал поганый дух дедовщины. Отчего он взялся? Говорят оттого, что в арию стали призывать бывших зеков.

Тогда армия действительно была школой жизни. К концу службы из пришедших в армию зеленых недотёп получались уверенные в себе мужчины.

Когда повзрослевший, жилистый Дима, отслужив положенное, вернулся к гражданской жизни, он своей самостоятельностью, мужской солидностью разительно отличался от своих инфантильных сверстников.

После демобилизации Дима был уверен, что теперь ничто не помешает ему получить лесную профессию. Но как обычно бывает в жизни – мужские прожекты скорректировала женщина. Хотя армия и была хорошей школой, но приемам нейтрализации женских каверз она своих питомцев не учила.

На одной из танцулек он увидел Соню и пропал. Веселая, гибкая, миловидная девушка очаровала Диму. И Соне, в свою очередь, этот коротко стриженый парень, чуть-чуть похожий на Шварцнегера, пришелся очень по душе. С вечеринки они ушли вместе.

Соне не хотелось терять своего нового обоже, который по её наблюдениям капитально сел на крючок. Поэтому, когда при второй или третьей встрече Дима полез ей под подол, она очень трезво проанонсировала:

– Только через ЗАГС!

Вот, так вот! «Сяржант, ня мни юбку…»

И все! И лесная отрасль не дополучила хорошего лесничего.

В начале своей семейной жизни Дима еще пытался рыпаться, но, после появления на свет Антона, с лесной мечтой пришлось проститься окончательно.

А любовь к лесу не прошла, и не пропала. Не пропал и полученный в армии навык ориентирования в лесу и в поле при любых условиях. В этом качестве он превосходил даже Юру Перепрыгова. Когда камарцы совершали дальние групповые выходы за клюквой или за солянниками, проводником всегда становился Дима Крюков. Говорили, что он имеет внутренний компас.

И надо же такому было случиться! Однажды этот человек-компас заблудился. Заблудился буквально рядом с деревней.

Это иногда бывает с крутыми специалистами. Чемпион по плаванию тонет на мелком месте, первоклассный велогонщик ломает кости на каком-то вшивом пригорочке, классный боксер получает нокаут в собственном подъезде. И все от большой самоуверенности.

Был самоуверенным и Дима. Когда после обеда Соня послала его за волнухами, он не взял с собой ни дождевика, ни спичек, ни компаса. Эти вещи показались ему излишними. Ведь шел он не в тайгу, а в «придворный парк». Так камарцы именовали лес за речкой, возле деревни, в котором все просеки и тропинки были известны даже детям.

В «придворном парке» волнушки были, но очень молодые. Они наивными пуговками розовели на усыпанной хвоей земле. Такие брать не было никакого резона, поэтому Дима двинулся дальше.

Пока он набрел на грибы, пока наполнил ими корзину, день приблизился к вечеру. Нужно было возвращаться домой. Нужно-то нужно, вот только не ясно в какую сторону следует идти. Кружась и петляя между елок, Дима легкомысленно не отслеживал стороны света и теперь совершенно не знал, где север, где юг. Он очень пожалел, что не прихватил с собой компас.

Осенний лес был тих и спокоен. Ни порывов ветра, ни громовых раскатов, ни верещания птиц и насекомых. В серое, затянутое сплошной облачностью небо, уходили плотные кроны вековых деревьев, затеняя и так не слишком светлое приземное пространство. В этих таежных условиях пионерские и туристические способы ориентирования (по мху, по муравейникам, по полету пчел и т.п.) были наивны и неуместны. Наиболее правильно в данной ситуации было бы опереться на сеть просек, которые с шагом в два километра рассекали прикамарские леса как в меридиональном, так и перпендикулярном ему направлениях. Правда, такой способ определения сторон света занял бы много времени. Пока выйдешь на просеку, пока, двигаясь по ней, дойдешь до перекрестка, где стоит столб с номерами кварталов, пройдет не менее часа.

Хоть это был длительный способ, но зато надежный. Дима на память знал нумерацию близлежащих лесных кварталов, поэтому ему достаточно было одного взгляда на межевой столб, чтобы абсолютно точно определить свое местоположение. Он уже собрался двинуться наугад для выхода на какую-нибудь из просек, но в этот момент до его ушей донесся далекий гул авиационного двигателя.

О! Это то, что надо. Авиационная трасса пролегала южнее Камар. Следовательно, идти на звук самолета – идти на юг. А идти на юг – это значит выйти, в конце концов, к Камарам или, на худой случай, – уткнуться в Шугозерское шоссе.

Заблудившийся разведчик взял пеленг на звук и, перемещаясь в намеченных им створах древесных стволов потопал, как он считал, в южную сторону. На самом же деле двигался он совсем в противоположную сторону, с каждым шагом все больше удаляясь от деревни. За гул лайнера он принял шум вертолета лесоохраны, который раз в месяц пролетал севернее Юферовского болота.

Очень скоро, забравшись в непролазные чащи, Жуков понял, что его курс неверен. Он развернулся на 180 градусов и в наступивших сумерках, спотыкаясь о кочки, обходя поваленные деревья, поплелся назад.

Тьма сгущалась. Нужно было выбирать местечко посуше и готовить лежбище на ночь. Хотя Дима и получил в армии навыки существования в ночном лесу, но остаться в тайге до утра без живого огня, было не очень то приятно. И звери шастают, и лесные духи из местных легенд на ум приходят.

ИНТЕРЕСНАЯ БЕСЕДА

Сначала он подумал, что ему показалось. Но нет, запах дыма становился все явственнее. Скорее всего, где-то невдалеке жгли костер. Наверное, охотники или рыбаки. Крюков перестал ломать еловые лапы. Он срочно определил направление легкого воздушного потока и пошел против него.

Идти было трудно. Темень залила все вокруг. Лишь еще не совсем потухшее небо просвечивало сквозь черные ветви деревьев. Дима шел медленно, натыкаясь на стволы. Он часто падал, но не унывал: дымный дух становился все сильнее. Наконец впереди запульсировало оранжевое пятнышко.

Когда Дима, перейдя вброд какую-то речку и поднявшись по откосу, приблизился к костру, он увидел человека, который сидел у огня. Этот неизвестный обернулся на хруст Диминых шагов, поднялся от костра и крикнул в темноту:

– Тимоха! Это ты?!

По фигуре и голосу Дима узнал в неизвестном деда Сергея, бывшего хозяина теперешней крюковской избы.

– Здорово, дядя Сергей. Это не Тимоха. Это Дима Крюков из Камар.

– Митрий! Ядрит-твою за ногу! Какая нелегкая тебя по ночам носит?

– Да, вот. Заблудился малость.

– Ну, маткин берег, здесь и блудить- то негде. Взгляни на компас и иди на юг.

– Ха! На юг! То-то и оно, что компас-то я забыл дома.

Дед Сергей вновь сел к костру и пригласил к огню Диму. Тот выбрал из груды валежника, собранного дедом Сергеем, пару стволиков, положил их поближе к вялому пламени и с удовольствием уселся, вытянув усталые ноги.

– Со мной все ясно, – усмехнулся Дима, – а ты-то, что здесь делаешь?

– Этого раздолбая жду. Тимку Минькова.

– А, где он?

– Да хрен его мудилу знает! Пошли мы с ним в Андреев угол за брусникой. Ну, взяли с собой по бутылке. Перед заходом на болото я глотнул немного, а тот мамай губатый всю выдул и на болото идти не захотел. Ты, говорит, иди, а я немного посплю и потом приду. Пузом улегся на валежину и отрубился.

Дед Сергей прикурил от уголька и продолжил:

– У меня уже полный короб ягоды, пора домой, а он всё не возникает. Вышел я на то место, где Тимоха заснул. Валежина лежит, а его нет. Ранее сговорились мы, в случае если разойдемся, ждать друг друга на взгорке у речки. Вот я и жду!

– Понятно, – отметил Дима, – а теперь скажи, где мы находимся? Куда это меня вынесло?

Дед Сергей расхохотался:

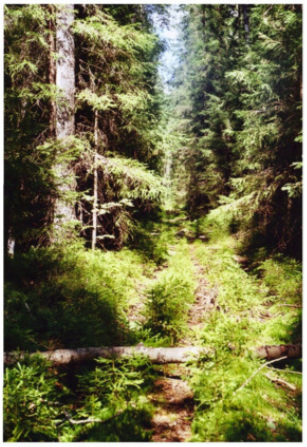
– Ну, ёра-мора, ты даешь! Неужели не узнал знакомые места?

– Нет.

– Да, у Черной речки мы, на Семеновой пожне.

– Ни фига себе! – воскликнул удивленный Дима, – Так здесь же до Камар рукой подать.

Действительно, через Семенову пожню проходил северный ход и по нему до деревни было не более двух километров. Добраться отсюда домой,



Лесная тропинка

Черная речка

30.

Камарские дикости

с учетом темноты, можно было бы минут за сорок. Но этот вариант не прельстил Диму.

Между Камарами и Семеновой пожней была поляна, которую по весне вспахивали и засевали овсом местные охотники. Когда овес наливался, на поляну по ночам спешили окрест-

ные медведи, которых поджидали в засаде стрелки. Таким образом, идти ночью от Семеновой пожни в деревню – значит либо нарваться на пулю, либо повстречаться с мишкой. Ни то, ни другое в Димины расчеты не входило, поэтому он решил остаться с дедом Сергеем. Чтобы не молчать, Дима обратился к старику с вопросом:

– Дядя Сергей, а кто такой Тимоха? Что-то я его не знаю.

– Да, это же нашенский, камарский. Мы с ним вместе и в школу ходили, и за девками бегали, и на Пороховых работали. Даже в армии в одной роте служили. Последние-то лет пятнадцать он в Ванюках живет.

– Так ты и на Пороховых работал? – удивленно спросил Дима.

– Работал. А, что? Там многие работали.

– Дядя Сергей, а что это за завод был? Что на нем делали?

– А бес его знает. Разное говорили. – ушел от ответа старик

Дима усмехнулся, покивал головой и с пониманием отреагировал:

– Все ясно. Секрет. Ты, поди, и подписку давал?

– Подписку-то я давал, только какой тут к кляпу секрет, если минуло с тех пор почти пятьдесят лет. Уже тогда завод не работал. А потом его и вовсе снесли. На его месте уже второй лес растет.

Дед Сергей полез в короб, достал маленький сверток. В свертке был кусок черного хлеба и желтый огурец. То и другое он разрезал ножиком пополам. Одну половину взял себе другую протянул Диме. С удовольствием вгрызаясь в пищу, Крюков продолжал интересоваться:

– Если завод не работал, так что же ты там делал?

– Землю грузил.

– Какую землю?_

– Обыкновенную. Породу.

– Зачем?!

– Не знаю. Может в ней какие-нибудь полезные ископаемые были.

– Дядя Сергей, расскажи подробнее! – загорелся Дима.

Небо очистилось от облачности. Замерцали крупные осенние звезды. Заметно похолодало. Дед Сергей подкинул в костер сучьев, запалил недокуренную сигарету и обратился к Диме:

– А, чего рассказывать-то? Грузили и все.

– Ну, сколько вас было? Куда грузили?

– Вот прилип! На хрена тебе это надо?

– Так, интересно же.

Помолчали. Дед докурил сигарету. Подгреб палкой к костру потухавшие головешки. Немного подумал, вздохнул и начал:

– Я так, Митрий, полагаю, что завод был подземный. На поверхности находилось лишь небольшое кирпичное здание и какая-то башня. По бокам к зданию примыкали две пристройки. Их называли боксами. Мы работали во втором боксе. И кроме этого бокса нас никуда не пускали.

А в первый бокс заезжали крытые машины с грузом. Что за груз мы не знали. Его разгружали военные. После разгрузки пустые машины подавались к нам в бокс и мы загружали их бумажными мешками с землей. В каждую машину укладывалось по сто мешков. Груженые машины уезжали в Тихвин. Вот и все.

И все секреты!

Дед замолк, а у Димы на кончике языка завертелись вопросы:

– А сколько человек работали? Много ли машин за день загружалось?

– Работали в три смены. В боксе были две бригады по восемь-девять человек. Каждая обслуживала свой транспортер. По транспортерам мешки подавались в бокс из внутренней части здания. За смену каждая бригада загружала до десяти машин. Ухекивались, будь здоров!

Нам, кроме денег, раз в две недели выдавали паек. Время-то было голодное. Как сейчас помню: банка сгущенки, пакет сахарного песка, мясная консерва.

– И долго эту землю грузили?

– Точно не знаю. Я работал почти год, а потом ушел в армию. Когда вернулся, все уже сравняли с землей. Только вышки сторожевые остались. А потом и их снесли к монаху. Лесхоз стал там лес валить.

– Да-а-а. – протянул Дима, – Интересно, кому та земля была нужна?

– А чего здесь интересного? Теперь это уже не имеет никакого значения.

– Действительно. Праздный вопрос.

– Ну, давай на ночь устраиваться.

Дед Сергей притащил две толстые лесины и положил их в костер:

– Теперь до утра хватит. Иди елок себе побольше наломай, а то от земли зябко.

Ночь тянулась долго. Дима почти не спал. Со стороны леса тело холодила осенняя знобь, от костра временами наплывали дымные волны. Но не эти факторы гнали сон. Димины мозги были изрядно взбодрены рассказом деда Сергея.

Крюков без конца прокручивал в уме стариковские воспоминания. Его терзал вопрос: «Какую ценность представлял грунт, который добывали на Пороховых, а затем увозили в Тихвин?». При этом его мысль постоянно цеплялась за тот фактик, что машины приходили на Пороховые не пустые. Она цеплялась до тех пор, пока совсем не зацепилась и не оформилась в следующее убеждение: «На Пороховые что-то привозили в большом количестве и прятали под землю».

Наконец снизошло озарение: « Под Пороховыми, а может быть и под Камарами в конце 40-х – начале 50-х годов были созданы громадные подземные хранилища, куда загружали что-то очень важное. А вынутый грунт не сваливали рядом, а вывозили машинами для заметания следов подземного строительства!»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРеТ

Рано утром дед Сергей растолкал уснувшего, наконец, Диму. Как только бывший разведчик открыл глаза, так сразу же засыпал старика вопросами:

– Дядя Сергей, а на каких машинах грунт вывозили?

– С Пороховых-то? – сразу же усек старик, – Известно на каких. На «студерах».

– Ну а другие машины приезжали на Пороховые?

– Вроде бы не приезжали. Бывали иногда автобусы с темными стеклами, но они к нам в бокс не заезжали. – Дед Сергей посмотрел насмешливо на Диму, – Ты, что ночь не спал, все об этом и думал?

– Значит только «студебеккеры» что-то привозили, разгружались, а затем уезжали, груженные мешками с грунтом?

– Эх, как тебя это дело забрало! Чистый Штирлиц, – старик потянулся, разминаясь ото сна, и добавил, – Не все машины приходили с грузом, довольно часто пустые «студеры» шли прямо в наш бокс, под погрузку.

После жаркого, богатого лесными пожарами лета, стояла сухая осень. Осторожный дед вытащил из костра обгоревшие лесины, отнес их к речке и умакнул в воду: от греха подальше. Потушив костер, старик промолвил:

– Ходили слухи, что какие-то машины иногда ночами следовали на Аэродром. Глухо говорили о подземном ходе, который, якобы, соединял Аэродром с Пороховыми. Но я думаю, что все это – трепотня.

Когда мужчины вышли на тропу северного хода, чтобы идти в Камары, они увидели человека, который спускался с поросшего березняком склона.

– Это же Тимоха! – определил дед Сергей.

Дождавшись Тимофея, старик азартно набросился на своего приятеля:

– Ёж твою на косо! Ты где околачивался, замудонец!

– Сам замудонец. Договаривались ждать на взгорке у речки. Я и ждал. А ты, где был?

Оказалось, что оба старика ждали друг друга по разные стороны взгорка. Пошумели, помахали руками и все пошли дальше. Старые приятели всю дорогу добродушно переругивались между собой и вспоминали какие-то прошлые прегрешения и вины одного перед другим. Дима шел молча, машинально сбивая сапогами шляпки сыроежек и редкие перестарки-подосиновики. Стариков он не слушал. Он соображал:

Облака над Пороховыми

Сосновый бор

31.

Камарские пейзажи

«Если две бригады за смену загружали двадцать машин, то за сутки – шестьдесят. В каждую машину загружалось по сто мешков. Значит суточная загрузка составляла 6 000 мешков. Дед Сергей говорил, что в мешках было по пятьдесят килограммов грунта. Следовательно суточная выемка грунта равнялась тремстам тоннам, а годовая – 100 000 т.»

Увлекшись арифметическими выкладками Дима запнулся за корень и пошел носом вниз. Тимофей обернулся, посмотрел на молодца, упершегося руками в мох, и съехидничал:

– Что, Митрий, никак зайчика поймал?

Дима не ответил на едкость. Он поднялся на ноги и снова занялся расчетами:

«Для определения объема примем плотность грунта равную трем тоннам в метре кубическом. Полученный объем 30 000 метров кубических разделим на трехметровую высоту помещений. Тогда площадь подземных апартаментов составит 10 000 метров квадратных. Это же сто трехкомнатных квартир», – перевел свои расчеты на бытовой уровень бывший разведчик.

Старики шли споро и Дима от них поотстал. Когда он их догнал, дед Сергей спросил:

– Почто молчишь, Митрий? Рассказал бы чего-нибудь. Или всё про Пороховые думаешь?

– Да, немного.

– Делать тебе нечего. Всё давным-давно быльём поросло и даже памяти не осталось. Кроме названия.

Дима промолчал и снова погрузился в размышления:

«Сто трехкомнатных квартир – это годовой результат. А ведь копали и до деда Сергея, и после его ухода в армию. Поэтому к этим квартирам допустимо прибавить еще столько же. Да плюс заглубленные помещения бывшего завода. Это же целый подземный городок! Возникает громадный вопрос: для чего создавалось это обширное подземелье???»

После того как прошли овсяную поляну, всю истоптанную медведями, Дима продолжил анализ полученных сведений:

«Положим создавался подземный пункт управления войсками, а может быть и страной на случай войны. А машины везли строительные материалы и оборудование для обустройства бункера.

Возражение: объект наглухо замурован, т.е. не имеет ни входов, ни выходов. А самое главное – отсутствуют какие-либо антенны, без которых бункер слеп и глух. Да и масса привезенного груза намного превышает массу строительных материалов, необходимых для отделки бункера.»

До деревни дошли быстро. Перед домом на Диму с визгом налетели Антон с Машкой. На крыльцо выскочила Соня. Она махала руками и радостно смеялась. Анна Матвеевна молча стояла у сарая. Из глаз её текли слёзы.

Вскоре Дима очутился в объятиях женщин:

– Господи! А мы уж все передумали. Заблудиться не мог! Значит, что-то случилось.

Диму усадили за стол, щедро выставили перед ним все бывшие в наличии угощения, Анна Матвеевна достала заначенную поллитровку. Дима ел и пил, отвечал на вопросы домочадцев, гладил прилипших к нему детей, а мысли его были далеко. Они вертелись вокруг подземного бункера.

Еще в лесу, по дороге домой он предполагал по приходе в деревню обсудить с бывшими военными, Женей Иркутским и Барсуковым, те сведения, которые он получил от деда Сергея. Но чем дольше он думал о загадочном бункере, тем больше проникался уверенностью, что делать этого не следует. Чутьем военного разведчика он ощутил, что нечаянно прикоснулся к большой государственной тайне, а поэтому язык нужно держать за зубами.

После трапезы Дима отправился на сеновал, чтобы сладко поспать. Но какой там сон. Мысли текли непрерывным потоком:

«Значит в подземелье загружали какой-то очень важный продукт. Но не архивы и не боеприпасы. Эти продукты требуют доступа и ухода. И не атомные бомбы. В то время они считались на единицы. И не ядерные отходы. Тогда их в заметных количествах просто не было. Может быть боевые отравляющие вещества, химическое оружие? Но и оно требует ухода и контроля, т.е. доступа к нему.»

Хотя наш деревенский Штирлиц, так ни на чём и не остановился, но он твердо уверовал в то, что под Пороховыми, а может быть и под Камарами замуровна какя-то большая активная масса, которая либо выделяет газы, либо испускает с помощью лучей или волн некую энергию. По этой причине, наверное, и природа не Пороховых какая-то странная. Может быть поэтому и климат в Камарах особый, и урожайность овощей, грибов, ягод невероятная, и москитов тьма невиданная.

Кроме того, Дима проникся убежденностью, что эта замурованная масса не пассивна, что под землей протекают непонятные, но активные процессы и предположил наличие связи между этими процессами и мистическими явлениями в Камарах.

В общем нафантазировал Дима густо. Увлечение научно-фантастической литературой даром для него не прошло. Все эти фантазии на подземную тему бились в его голове и требовали выхода. Его так и подмывало поделиться с кем-нибудь своими откровениями. Но он отчетливо понимал, что делать этого нельзя. Хотя тайна и не была раскрыта до конца, но и в зачаточном виде её расшифровка имела остро секретный характер.

Семёнова пожня. Акварель А. Г. Брыксенкова с фото Ю. Овчинникова.

ДРУЗЬЯ ИДУТ НА РИСК

Мишка Козел, когда сидел с Барсуковым в кафе на Лиговке, был дважды сомравши.

Во-первых, он солгал относительно Киры Ивановой, уверив Мешка, что не знает, где она находится. На самом деле ему было точно известно место её пребывания. И расположено было это место совсем недалеко от Камар.

Во-вторых, то учреждение, которое он снисходительно назвал статистической конторой, якобы завербовавшей его в свои ряды, в действительности было серьёзным органом – Комитетом государственной безопасности СССР. В этой «конторе» Козел прослужил почти двадцать пять лет и числился в ней не Козлом, а «Росомахой», официальное имя которой было Михаил Иванович Смертин, а звание – подполковник госбезопасности.

Да и вербовки то никакой не было. Просто в один сияющий день, когда Задвинье утопало в сирени, а красные тюльпаны качались на всех клумбах, когда от свежей салаки, продававшейся на каждом перекрестке, тревожно пахло морем, когда в кармане лежал диплом специалиста по эксплуатации судовых дизельных установок, когда жизнь была упоительна и в дальнейшем предвещала еще большее упоение, Михаила Смертина пригласили в кабинет директора Речного училища.

За директорским столом сидели двое незнакомых. Один из них предложил Мишке сесть и начал задавать вопросы. Вопросы пустяковые. О настроении, о здоровье. Еще про родственников спрашивал и о планах на будущее. Интересовался, есть ли у него девушка и не собирается ли уважаемый товарищ Смертин создавать семью. Видать Мишкины ответы удовлетворили странную пару, поскольку встреча перешла в главную фазу. Молчавший до этого штымп заговорил доверительным тоном:

– Мы внимательно изучили ваше личное дело и считаем, что вы очень подходите для участия в одном, исключительно важном для Родины, научном испытании. Суть испытания представляет собой государственную тайну и поэтому оглашению не подлежит. Однако могу сказать, что это испытание интересное, романтичное. Оно потребует от вас ясной головы и выдержки. В ходе испытания никакого ущерба вашему здоровью нанесено не будет. Вы будете заняты в течение двух-трех лет. Ежемесячно вам будет начисляться зарплата в пять раз большая, чем та на какую вы рассчитываете в системе Речфлота. По окончанию работы вы получите выходное пособие в размере десятимесячной зарплаты и право поступать вне конкурса в любой ВУЗ страны или выбрать работу в любом городе.

Если в течение подготовительного периода вы измените свое решение и откажетесь от участия в испытание, вас отпустят на все четыре стороны, предварительно взяв подписку о неразглашении государственной тайны.

Я сказал все, что мне дозволено сказать. Вы можете подумать сутки, а завтра в это же время мы ждем от вас либо согласия, либо отказа. О нашем разговоре никому ни слова. Все. Вы свободны.

Мишка с широко раскрытыми глазами выкатился из директорского кабинета и срочно поскакал в общежитие, чтобы ни кому-либо, а только Руслану и Казяве рассказать о странном

предложении. Но те его уже сами искали. Оказывается они тоже получили такое же предложение.

– Ну, корешочки, что делать будем? – открыл совещание Руслан.

– А, чума его знает. Война в Крыму – все в дыму, – отозвался Козел.

В разговор включился Казява:

– То-то и оно, что в дыму. Вы же знаете, пацаны, я никогда в тёмную не играл. Так, что пусть они свое тихушное испытание проводят без меня.

Долго друзья обсуждали ситуацию. В конце-концов Мишка и Руслан настроились принять участие в научной заморочке. А Игорь Казов своего решения не изменил и предостерег авантюристов:

– Смотрите, пацаны, не фраернитесь. Как бы у вас от этих испытаний концы не отвалились. Вон, Козел уже имеет опыт.

– Та, что Козел? Ерунда, ничего страшного, – отмахнулся Козел.

– Ха, ерунда! Скажи спасибо, что ссаться перестал, а то ходил бы всю жизнь вонявым, – заключил Казява.

Через десять дней, после прохождения в гарнизонном госпитале медицинского осмотра, Руслан и Мишка убыли в Москву. Из Москвы они были направлены в Подмосковье, на летнюю базу недалеко от Ивантеевки.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ

Сосны просеивали солнечные лучи, и они ложились на брусничник, на мох, на военные палатки мягкими, неяркими пятнами. Палаток было пятьдесят штук, и они в пять рядов стояли перед площадкой, на другой стороне которой возвышалось двухэтажное кирпичное здание. За зданием были разбросаны деревянные хатки, покрашенные в голубой цвет.

Это был типичный пионерский лагерь. Причем обитатели его совсем недавно покинули место своего отдыха и закаливания. Об этом свидетельствовал все еще не снятый плакат на фронтоне кирпичного здания:

«Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

Перед главным зданием располагалась площадка с высоким флагштоком в центре. Здесь, очевидно, проводились утренние линейки и поднимался красный флаг. При входе на площадку стоял щит, на котором были размещены объявления и документы: расписание работы различных кружков, турнирная таблица волейбольных соревнований, пионерские правила и еще что-то. Теперь все это было мусором.

В настоящее время здесь, вместо пионеров, размещались медики. Они в комнатах и залах кирпичного здания развернули врачебные кабинеты. В одной из голубых хаток действовала рентгеновская установка, в другой – лаборатория. Во всех этих помещениях специальная медицинская комиссия дотошно и строго оценивала состояние физического и психического здоровья спецконтингента, размещенного в военных палатках.

Руслан и Козел, сидевшие на скамейке перед флагштоком, обменивались впечатлениями и предположениями.

– Ты, что-нибудь надыбал? – спросил Руслан.

– В смысле? – отозвался Козел.

– Ну, что все это значит и чем сердце успокоится?

– Что здесь надыбаешь? Начальничков мы не видим, а кто из них и нарисуется, то молчит. И мы ничего не делаем, лишь покорно выделяем кровь, кал и мочу, ходим на рентген, да показываем врачам то язык, то залупу. Я только одно усёк: из двухсот хлопцев, что разместились в палатках, нет ни одного нацмена. Одни русские рожи.

– Ну и что?

32.

Пионеры уехали

– Да, ничего. Просто как факт.

Друзья помолчали. Хорошо сиделось под соснами. Хорошо и томно. Они только что сдали из вены кровь на анализ и были немножко в гроги. Тогда не теперь. Тогда для забора крови пз вены использовалась толстая, как правило, тупая, многоразовая игла.

– Замечаешь, Мишка, здесь все почти так же, как было у нас на даче в Инчукалне.

– Ага! Похоже. Только нет речки и пороховых россыпей

– О! Россыпи! Какие были салюты!

Дача детдома располагалась в бывшем имении какого-то барона. Двухэтажный особняк стоял на крутом берегу Гауи, окруженный соснами и дубами. Берег реки густо зарос кустами красной смородины, от непомерного поедания ягод которой у детей трескались языки. В лесах было полно черники и маслят. Вдоль реки тянулись песчаные пляжи. Но не эти благодати больше всего притягивали пацанов.

В километрах двух от дачи проходило Псковское шоссе. По нему в начале войны, спасаясь от флангового танкового удара немцев бежали красноармейцы маршала Ворошилова. Они бежали, бросая в придорожных лесах технику, вооружение, боеприпасы. В 44-ом, но в противоположном направлении, бежали немцы. Они бросали всё, что мешало бегу.

Эти леса вдоль Псковского шоссе были форменным Клондайком для мальчишек. Горки и россыпи трубчатого пороха, а также пороха в виде шайбочек и квадратиков. Залежи тола и другой взрывчатки. Частые включения авиационных снарядов и зенитных боеприпасов. Ящики с патронами, пулеметные ленты, очень ценимые знатоками гранаты и разнообразные мины. Всего добра, что бесхозно лежало в лесах, перечесть было невозможно.+

Как ни старался директор Некрасов пресечь тягу пацанов к военной технике и боеприпасам, но полностью закрыть доступ к вожделенным военным цацкам он не мог. В личное время мальчики-детдомовцы пропадали в заветном лесу. Там они собирали все, что взрывалось и горело. Предпочтение отдавалось «лимонкам», малокалиберным минам, авиационным снарядам. Собранное добро приносилось в спальни и пряталось под матрасами и подушками. Однажды директор произвел обыск в спальных помещениях. Результат изумил Некрасова, а воспитательниц потряс до обмороков: в вестибюле конфискованное «добро» образовало большую, грозную кучу. Пацаны не понимали волнений взрослых. Боеприпасы же разряжены! Взрыватели и запалы вынуты!

Детдомовцы, как и все дети, хлебнувшие войны, были большими специалистами в деле обезвреживания мин, разборке снарядов и гранат. Они на взлет определяли быстродействие бикфордова шнура, цвет сигнальной ракеты, мощность того или иного взрывчатого вещества. Их самым любимым развлечением был салют. Организовывался он следующим образом.

На дно большой латунной гильзы от зенитного боезапаса укладывалась толовая шашка, снабженная взрывателем. После чего гильза до верху заполнялась адской смесью, состоявшей из разносортного пороха, трассирующих пуль, раздробленного горючего вещества осветительных ракет и дымовых шашек. Снаряженная таким образом салютная установка помещалась в центре лесной поляны. Подготовив установку, пацаны скатывались в окоп и поджигали бикфордов шнур.

Через пятнадцать- двадцать секунд могучий рёв оглашал лес. Из гильзы высоко в небо разноцветным огненным потоком устремлялись, воя и свистя, горюче-взрывчатые ингредиенты. Венчал салют шикарный взрыв толовой шашки, разносивший гильзу вдрызг. Такое запоминалось на всю жизнь.

– Да, салюты были чинные. Ничего не скажешь, – согласился с другом Мишка. Друзья помолчали. Каждый думал о своем.

– Вот, ты обратил внимание на национальный состав нашей гопы, – вернулся к начальной теме Руслан, – Это интересно. Но и я тоже кой на чем споткнулся. Ты знаешь, здесь нет тюх. Все, с кем я разговаривал, имеют среднее специальное образование. У большинства за плечами техникум, у некоторых – училище, есть парни из спецух. Как это понимать?

– Понимать это нужно так: в предстоящем испытании нас ждет не ломовая, а умственная работа, – сделал оптимистичный вывод Козел.

– Хорошо бы. Только сомнительно. Уж слишком темнят наши начальники.

Очень скоро наблюдательные друзья выявили еще одну не совсем приятную особенность, которая поставила под сомнение Мишкино предположение касательно предстоящей умствен-

ной работы. Они определили, что их товарищи по палаткам, все до одного, – круглые сироты, что у них не только нет отцов и матерей, но и близких родственников.

– К чему бы это? – задумчиво протянул Мишка, обращаясь к Руслану.

– Я слышал, что в Питере за заслуги перед медициной собаке поставили памятник. – Руслан взял паузу, значительно посмотрел на Мишку и, наконец, выдал, – Так вот я думаю, что нам такие почести не светят. Наши заслуги будут отмечены более скромно.

– Ты, считаешь, что нам предстоит быть подопытными кроликами? – решил уточнить Мишка.

– Ах, гражданин Смертин, своей догадливостью вы меня просто очаровываете. Я всегда знал, что у вас с репным маслом все в порядке, – фасонно, по моряцки отстучал бывший юнга Серебров.

Через две недели работа специальной медкомиссии была закончено. Её строгое сито не смогла преодолеть почти треть кандидатов в испытатели. Козла тоже чуть не отсеяли. Врач-дерматолог обратил внимание на два рубца на головке Мишкиного пениса. Мишка объяснил причину их появления. Дерматолог поспешил с докладом к начальству. Полковник, в накинутом на плечи белом халате, внимательно изучил Мишкину медицинскую карту. Карта была великолепна.

– Пусть остается. Нам, все равно, нужны будут «няньки», – заключил полковник. – В случае чего переведем его в обслуживающий состав.

ПРИЧЕМ ЗДЕСЬ ДЕВУШКИ?

За две недели врачи выполнили программу всестороннего медицинского обследования спецконтингента и покинули базу. Вслед за ними покинул базу и спецконтингент. Парней вывезли на один из закрытых объектов КГБ, где разместили в большом, похожим на санаторный корпус, здании, стоявшем на берегу живописного озера. После палаток, жизнь в просторных, светлых палатах воспринималась ими как верх комфорта.

На следующее после приезда утро народ вывели на плац, построили по ранжиру в одну шеренгу, рассчитали на «первый-третий», а затем разбили на три взвода. Взводы возглавили подтянутые дядьки в военной форме, но без погон. Созданное подразделение было названо третьей ротой, а бойцы роты – курсантами.

И началась муштровка – ежедневные строевые занятия на плацу. После строевой подготовки рота занималась либо легкой атлетикой, либо осваиванием несложных упражнений на гимнастических снарядах, а ближе к вечеру – ритмикой и танцами. Физические занятия перемежались интеллектуальными. Курсанты каждый день изучали английский язык, историю России, грамматику русского языка, причем на уроках русского языка особое внимание обращалось на правильное произношение слов и на грамотное, литературное изложение своих мыслей.

Заканчивался учебный день в восемь вечера. До отбоя, который объявлялся в одиннадцать часов, можно было посидеть в библиотеке, поиграть в тихие или подвижные игры, однако большинство предпочитало смотреть фильмы. Демонстрировались не только советские фильмы про войну и про стройки, но и трофейные ленты, заполненные любовными и эротическими сценами.

Когда роте присвоили третий номер, многие удивились: почему не первый. А уже через несколько дней все открылось. Оказалось, что совсем рядом, за маленьким лесочком в двух белоснежных корпусах гостиничного типа расположились еще две роты – первая и вторая. Обе роты были курсантскими, но, в отличии от третьей роты, курсантами там были девушки. Размещены они были с большими удобствами. В отдельной комнате (или номере), снабженной душем и туалетом, проживали не более двух девушек.

Стоит ли говорить, что очень скоро между парнями из третьей роты и девушками установились сначала дружеские, а потом и более теплые отношения. Причем, по всему было видно, что курсантское начальство не только не тормозило этот процесс, но наоборот способствовало сближению юношей и девушек. Проводилось много совместных культурных и спортивных мероприятий, в субботу и воскресенье устраивались танцевальные вечера, вход в женские корпуса был свободным. Романы вспыхивали мгновенно.

А тут еще романтичные летние вечера с мерцающей гладью озера. Томно плывущие из танцевального павильона звуки запрещенного во всем остальном Союзе чувственного танго. Доступность интимного уединения в гостиничном номере. Все это работало на то, чтобы девушки начали беременеть.

Забеременевших курсанток куда-то увозили. Через три месяца численный состав первой и второй роты заметно сократился.

Аналитически настроенные Мишка и Руслан с первых же дней пребывания в третьей роте были в полной растерянности. Они вопрошали друг друга:

– Для чего нам вдалбливают в головы неправильные английские глаголы? Может быть намереваются заслать в качестве агентов в одну из стран НАТО?

– А обучение бальным и салонным танцам? Это вообще не в какие ворота!

После контактов с девушками-курсантами у них возникли новые вопросы:

– Причем здесь девчата? Не собираются же из нас делать производителей для выведения особо ценной породы людей?

Строго говоря, про особо ценную породу они стали думать после совершенно неожиданной встречи. На пятый или шестой день пребывания у озера Руслан в толпе девушек-курсанток увидел детдомовку, Кирку Иванову. После удивлений и взаимных радостных приветствий Руслан поинтересовался у Кирки, как она здесь оказалась.

– Наверное, также как и ты. Предложили, я и согласилась.

– А чего соглашалась- то? У тебя же хорошая работа была.

– Ничего хорошего. Меня после окончания медицинской школы направили работать медсестрой в дом престарелых. Наблюдать каждый день этих убогих стариков и думать, что и ты такая же будешь, – очень неприятное занятие.

– Перешла бы на другую работу.

– Ну, ты, как не родной! После школы каждый должен отработать три года там, куда его пошлют.

Затем Руслан сообщил Кире о Мишке Смертине и о том, что они с ним постоянно гадают и никак не могут отгадать: для каких подвигов их готовят. Кира понимающе кивнула и спросила:

– А вы знаете с какой целью сюда доставлены девчонки?

– Нет.

– Нам приказано никому об этом не рассказывать. Поэтому, то, что я сообщу – только для тебя и Мишки.

– Понятно.

Кира понизила голос и поведала следующее:

– Им зачем-то нужны…, – здесь она запнулась и начала краснеть…

Затем твердо продолжила:

– Им зачем-то нужны беременные женщины. Нам рекомендовали благосклонно относиться к ухаживаниям парней и стремиться зачать ребенка. Забеременевшей девушке зарплата будет удвоена, а родившееся дитя будет взято на полное государственное содержание.

– Ну, дела! Выходит, нас держат за быков-производителей?

– Наверное, не только…

Еще немного погуляв и поговорив, они стали прощаться. Перед тем, как отправиться в свою роту, Кира, потупив глаза, спросила Руслана:

– Ты что-нибудь знаешь о Леше Барсукове?

Руслан понимающе хмыкнул и сообщил:

– Он в Ленинграде работает. Фрезеровщиком.

Затем, догадавшись, что вовсе не это интересует девушку, добавил:+

– Вроде бы не женат.

СПЕЦПОДГОТОВКА

Где-то в середине сентября третью роту собрали в кинозале. На сцену вышел начальник сборов и объявил следующее:

– Сегодняшним днем закончен период вашей адаптации. Завтра утром вы отправитесь в Ленинград. Посадка в автобусы в шесть. Вечером будете на месте. Это место расположено не в самом Ленинграде, а в его курортной зоне, недалеко от Зеленогорска. Там в сосновом бору находится крупная спортивная база, на которой тренируются и состязаются курсанты Военного спортивного училища, спортсмены ЦСКА. Теперь и вы будете рядом с ними совершенствовать свою спортивную форму. Конечно, при общении с вами люди будут интересоваться, кто вы есть. Запомните: с этого дня ваша группа официально называется годичными курсами по подготовке инструкторов физкультуры для домов отдыха, пансионатов и санаториев системы МО. Так всем любопытным и отвечайте. И ничего больше! И никаких фантазий!

Что касается ваших биографий, то ничего не придумывайте, говорите все как есть. А на вопрос: «Каким образом ты попал на такие оригинальные курсы?», отвечайте: «Я разрядник по (назовите какой-нибудь вид спорта). Меня вызвали в военкомат и предложили учиться на этих курсах. Я дал согласие.»… На сегодня – всё. Подробности на месте.

Утром следующего дня автобусы с курсантами третьей роты на борту взяли курс на Ленинград.

Минул год. Всё это время курсанты «годичных курсов», смешавшись с военными спортсменами, бегали, прыгали, играли в футбол и баскетбол, занимались гимнастикой и тяжелой атлетикой. Помимо спортивных занятий они по шесть-восемь часов в день изучали исторические, философские и юридические науки, совершенствовались в русском и английском. По воскресеньям «годичников» возили в Ленинград, где они посещали музеи, концертные залы, театры.

Год интенсивных тренировок на воздухе, пропитанном ароматами смолы и моря, не прошел даром. Теперь каждый курсант третьей роты являл собой некое подобие античного героя. Непременными отличительными чертами любого «годичника» стали и гармонично развитая мускулатура, и гордая посадка головы, и прекрасная осанка.

Что удивительно, внутренний мир этих «телемаков», под влиянием особых воздействий на юношескую психику со стороны определенных специалистов, сконструировался в полном соответствии с их внешним обликом. Они были благородны и честны. Их мышление, опиравшееся на эрудицию, логику и чувство прекрасного отличалось четкостью и красочностью. Специальные занятия и тренировки развили у них такие качества как смелость, надежность, гуманность.

Минул год интенсивной, целенаправленной учебы. Сложная и обширная программа подготовки курсантов к вхождению в научное испытание была завершена. По дисциплинам, которые изучались на этих сборах, слушатели получили сумму знаний, соответствующую вузовским требованиям.

Всю последнюю неделю проходили итоговые занятия, на которых обобщались полученные курсантами знания. Никаких экзаменов не было. Просто каждый преподаватель по резуль-

татам собственных наблюдений ставил в зачетном листе против фамилий своих подопечных четкий вердикт: «годен» или «негоден». Негодных выпускников практически не было. Их всех отсеяли раньше, еще на промежуточных испытаниях.

Минул год неопределенности и недоговоренности. И наступил момент истины. Командир роты объявил на утреннем построении:

– В десять ноль-ноль всем быть в четвертой аудитории. Специалисты расскажут вам о сути предстоящего эксперимента и о вашем месте в нем. Какие-либо записи делать запрещается.

После этого, до пятнадцати ноль-ноль у вас будет последняя возможность отказаться от участия в испытании. В пятнадцать часов все, не подавшие рапорты с просьбой об отчислении, должны построиться перед штабом для посадки в транспортные средства.

А сейчас, после роспуска строя, всем привести себя в порядок, переодеться в темно-синие тренировочные костюмы и к десяти часам быть в аудитории номер четыре.

Вопросы?…Разойдись!

За полчаса до назначенного времени в широко раскрытые двери четвертой аудитории по одному, по двое и маленькими группами стали входить серьезно настроенные курсанты. В десять часов в заполненную выпускниками аудиторию вошли какие-то незнакомые чины и двери аудитории закрылись. Снаружи перед закрытыми дверями стали на пост два хорошо сложенных товарища.

Разговор продолжался сорок минут. Затем двери растворились. Первыми вышли незнакомые чины. За ними в полном молчании, с очень сосредоточенными лицами стали появляться курсанты. Почти последними оставили аудиторию Руслан и Мишка. Они вышли на улицу и, не говоря ни слова, двинулись в сторону высоких тополей, росших вдоль ограды.

Друзья, не спеша, вошли в тополиную аллею, уселись на садовую скамью и крепко задумались.

В течение года Руслан и Мишка много гадали, и фантазировали, строили много предположений относительно сути предстоящего испытания, но то, что они услышали в четвертой аудитории, стало для них невероятной неожиданностью.

Минут через пять встрепенулся Мишка и подал голос:

– Ну, что, Руслан, рискнем?

Серебров помолчал немного, сделал вид, что подумал, и, тоном Ленского перед дуэлью, протянул:

– Рискнем, пожалуй, – а потом добавил, – все-таки интересно узнать, что из этого получится.

– Это как сложится. Может, ничего и не успеешь узнать.

– От случайностей никто не застрахован, это верно. Но будем надеяться на лучшее.

Никто из курсантов, дошедших до выпуска, не подал рапорта об отчислении. Да и подать не мог. Об этом позаботились психологи и психотерапевты из КГБ. Ровно в полдень все выпускники построились перед автобусами с затененными стеклами. На лобовых и задних стеклах автобусов были укреплены плакатики: «ДЕТИ».

У всех курсантов, стоявших в строю, за плечами были рюкзачки с личными вещами, хотя каждый знал, что никакие личные вещи им уже больше не понадобятся. Во всяком случае, в течение ближайших двух-трех лет.

После переклички прозвучала команда: «По машинам!». Через десять минут колонна автобусов в сопровождение джипов военной автоинспекции вышла с территории спортивного лагеря и двинулась в сторону Приморского шоссе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Любой дирижер симфонического
оркестра знает, что слушатели не станут
возражать, а даже будут очень довольны,
если он вместо Иоганна Баха исполнит
что-нибудь из произведений Иоганна Штрауса.

По мотивам высказываний К. Дарроу

НЕМНОГО ЭРОТИКИ

Для хорошей женщины не жалко ни хара, ни пара!

Барсуков завел в Шугозере любовницу! Таково было мнение проницательных камарок. Мнение, разумеется, субъективное и по-женски пристрастное. Известно, что дам всегда жарко волнует личная жизнь любого мало-мальски стоящего одинокого мужчины. Они благосклонно относятся к тем из них, кто имеет сударушку. Чудаку же, лопухнувшемуся по части кобеляжа, ими оказывается всяческое способство в деле обзаведения кралей. Такой их гуманизм вызревает на стойком убеждении, что любой настоящий мужик только тем и озабочен, как бы ему вильнуть на сторону и ублажить какую-нибудь одинокую, загрустившую лапушку. Вот, и Алексей Георгиевич. Что он потерял в Шугозере? Дело ясное. Раз зачастил туда, значит, завел любовницу! А как же иначе?

На самом деле все выглядело заметно специфичнее. Нет, нет! В проницательности камаркам не откажешь. Однако имелась некая тонкость: не Барсуков кого-то там завел, а, наоборот, его завели. В спарке: Барсуков – женщина, всегда более активную роль играла дама. И проистекало это от его неправильного воспитания в детстве. Вернее, от слишком дословного восприятия юным Лешей Барсуковым некоторых назидательных сентенций.

Пока Лешенька испытывал детский интерес к сверстницам, все обстояло нормально. Для него не было секретом, что находится у девочек под платьем. Каждое лето он с мамой выезжал в деревню, где активно общался с сельской ребятней. Деревенские девочки трусиков не носили.

Когда при игре в «фанты» они поджимали коленки, их междуножье неизбежно обнажалось. В этом случае мальчишки кричали:

– Девки, прикройтесь! А, то застрелите!

В ответ девочки невозмутимо одергивали свои ситцевые платьица и продолжали игру.

Лешенька дружил с Танькой.

При игре в «хоронушки» он увлекал подружку в пустовавшую житницу, где они взаимно удовлетворяли свое детское любопытство. Танька задирала подол сарафанчика и показывала, что там у неё скрывается. Лешенька в ответ расстегивал лямки своих коротких штанишек, спускал их и демонстрировал девочке наличные кавалерские особенности.

И позже. в детдоме Лешка Мешок не сторонился девочек, а, наоборот, активно с ними взаимодействовал. Особенно летом на даче. Там он иногда назначал какой-нибудь симпатичной детдомовке тайное свидание. Рандеву обычно происходило в полночь на речном обрыве у замшелой каменной скамьи. После несвязных слов, осторожного пожатья рук Лешка нежно касался своими губами трепетных девочкиных уст. Через некоторое время юные полуночники, ошеломленные необычной встречей, расходились по своим палатам, унося на всю жизнь видение зыбкой лунной ночи и острое чувство таинственности и тревоги.

Но вот стукнуло пятнадцать и как отрезало. Лешка стал дико застенчив. В девчачьем обществе он терялся. Говорил невпопад. Не знал куда деть руки. А когда влюбился в Киру, то вообще причислил девочек к благородным, исключительным созданиям.

Дальше – больше. Так, в период своей ленинградской юности, Лешка под воздействием русских классиков, комсомольской морали, уроков литературы вообразил, что девушкам абсолютно наплевать на парней, что они терпят их исключительно из необходимости продления рода человеческого. Женщина – это нежное, тонкое творение с поэтической душой. Половой акт для неё является грубым, скотским действом, оскорбляющим все её существо. Склонить женщину к совокуплению (вне рамок супружества) можно лишь с помощью либо обмана, либо принуждения, либо прельстив её большими деньгами и дорогими подношениями.

Вот такой странный бзик поразил впечатлительную душу молодого Лешки. И хотя бытие не совпадало с Лешкиным сознанием, а картинки из жизни заводской молодежи являли совсем иные пейзажи, Лешка был тверд в своем заблуждение. Не разубедил его даже профессор Войцеховский, книжку которого под названием «Женщина» он купил в букинистическом магазине на Литейном.

Профессор утверждал, что сильное половое желание вызревает у мужчины уже на третий день после недавнего общения с женщиной. У женщины же такое чувство может возникать до трех раз в течение суток. Вот такая, значит, поэтика!

Как известно, опыт – лучший лекарь от разных химер. Если даже Фому-неверующего проняли реальные, материальные проявления, то, что уж говорить о Лешке.

ПОТЕРЯ НЕВИННОСТИ

Возвратясь в Ленинград после рижских «гастролей», Лешка не отступил от своего намерения получить среднее образование. Вечерами он стал исправно ходить в ШРМ—35, которая размещалась на Большом в здании бывшей гимназии, где в свое время учился Александр Блок. Этот исторический факт очень вдохновлял юного работягу.

Перед экзаменом по химии Юлька Нелидова, одноклассница Лешки, попросила его помочь разобраться в некоторых химических вопросах. Юлька была красивой, видной девушкой. Её за какие-то девчачьи грешки перевели из женской средней школы (наверное, чтобы отрицательно не влияла на «порядочных» девушек) в вечернюю школу рабочей молодежи, Лешка с удовольствием отозвался на девичью просьбу.

Нелидова не случайно выбрала Лешку своим репетитором. Заводской паренек ей нравился. Она уже притерпелась к тому, что многие парни при знакомстве с ней стандартно интересовались, а не родственница ли она смолянке Нелидовой, изображенной на известной картине. На это Юлька с достоинствам отвечала, что её родители потомственные текстильщики и к графьям никакого отношения не имеют.

К удивлению дочери потомственных текстильщиков, Лешка, в отличии от прочих, ни разу не спросил красивую одноклассницу о возможном её родстве с кокетливой девушкой, талантливо запечатленной на холсте художником Левицким. И это Юльку тронуло. «Конечно, юный пролетарий явно не завсегдатай Русского музея, – подумала она. – Откуда ему знать о Левицком или, тем более, об Екатерине Нелидовой. Но если бы он и знал, то наверняка не полез бы с пошлыми вопросами». Не ведала Юлька, что Лешкино безразличие к её родословной базировалось как раз на его очень хорошем знании данного предмета. Это знание он приобрел еще в детстве при посещение кружка рисования при Петроградском доме пионера и школьника. Из ярких рассказов руководителя кружка о русских художниках, в том числе и о Левицком, о картинах этих художников, в памяти Лешки осело, что Екатерина Нелидова по происхождению не была аристократкой. Её отец, бедный артиллерийский поручик, поместил малолетнюю Катеньку в только что основанный Смольный институт благородных девиц. Вскоре после выпуска она стала фавориткой Павла 1. Детей у неё не было.

Юлька Нелидова вместе со своей теткой жила в старинном доме с хорошей архитектурой. Дом этот находился рядом с площадью Льва Толстого. Там они обретались в просторной двухкомнатной квартире. Лешка вместе с соклассниками несколько раз бывал у Юльки. Его, жильца зачуханной десятикомнатной коммуналки, эти, по его понятиям, барские палаты просто подавляли.

Юлька оказалась понятливой ученицей. Она необычно быстро усвоила принципы структурного построения молекул органических веществ. После химических занятий состоялся легкий перекус с подачей розового ликера.

Лешка не признавал разных там мускатов, шартрезов, дупелькюмелей. После получки он и его товарищи-фрезеровщики заваливались в пивную, что на Кировском, где делался стандартный заказ: сто с прицепом, то есть кружка пива, сто граммов водки и к ним пара горячих сарделек. В торжественных обстоятельствах вместо «просто водки» заказывалась «старка».

Но в данном случае, не желая обижать хозяйку, паренек поступился своими принципами. Он в один прием выцедил из красивого хрустального фужера слегка тягучую, пахнувшую одеколоном органическую жидкость. За первой порцией последовала вторая. Затем хозяйка поставила пластинку.

«Татьяна, помнишь дни золотые…», – выводил гибкий голос отвергнутого властями певца. Юля предложила пройтись линдой. Лешка, в отличие от своих приятелей, танцевал очень хорошо. За это он был благодарен нахимовскому училищу, где танцы являлись учебной дисциплиной. Линду – этот, более подвижный, чем танго, танец, Лешка исполнил блестяще, изящно держа партнершу на некотором удалении от себя.

После линды Юля угостила гостя черным кофе, куда добавила все тот же ликер. Второй танец вышел уж совсем душевным. Молодые люди приникли друг к другу. Лешка в состоянии полного упоения и раскованности опасался лишь одного: как бы его восставшее естество не коснулось ног Юльки и не оскорбило девушку.

Потом были и поцелуи и объятия и запускание дрожащих рук в запретные области. В конце концов, возбужденная пара закономерно оказалась в предусмотрительно разобранной постели. Лешка лежал рядом с девушкой и все никак не мог решиться на атаку. Он до тех пор гладил горячее Юлькино тело, ласкал её груди, пока она не прошептала:

– Леша, так очень скучно…

С потерей невинности расстался Лешка и со своим бзиком. Теперь он стал более естественно общаться с заводскими девчатами, многие из которых питали интерес к симпатичному, образованному парню. И все-таки, хотя ядовитый бзик и исчез, следы его слегка попятнали Лешкину душу. Так, например, хрупкой процедурной сестре из заводской поликлиники пришлось несколько раз молча простоять у Лешкиного станка, изображая заинтересованность во фрезерном деле, прежде чем деликатный фрезеровщик, и то лишь под давлением приятелей, решился посетить процедурный кабинет на предмет прогревания занедужившей нижней части позвоночника.

Не нужно считать, что Лешка в вопросах секса был недотёпой или одиноким чудаком-скромником. В массе послевоенного образованного юношества подобные скромники составляли, наверное, большинство. Тогдашние парни с неодобрением относились к своим сверстникам, если те с чрезмерной экспансивностью тянулись к девушкам. Этих, чмокающих от сладострастья юношей, они презрительно именовали пиздострадателями.

И девушки, за исключением, пожалуй, шустрых фезеушниц из неполных семей, были исключительно милы в своей скромности. Они не смолили сигарет, не пили крепких напитков, не пробовали наркоты и, конечно же, не матерились. Платья носили чуть ниже колен и без наглого декольте. Очень аккуратно пользовались косметикой. А иначе:

«На глазах ТЭЖЭ,
На щеках ТЭЖЭ,
На губах ТЭЖЭ
Целовать где же?».

А в обществе такие патриархальные понятия как «целомудренная невеста», «неиспорченный молодой человек», имели однозначную ценность.

БАННЫЙ ЭПИЗОД

Баня в деревне – это святое! Банным днем у Барсукова было воскресенье. Подготовка к нему начиналась загодя. Первая забота – это веник. Хотя веников у него было заготовлено предостаточно, летом он определенно предпочитал свежий веник сухому. Поэтому в субботу, после обеда Барсуков направлялся в березняк, чтобы наломать веток на веник. Ломать нужно было не всё подряд, а лишь с молодых березок и чтобы листья были широкие и гладкие – ландыш, как говорят в деревне. Связав веник, а то и два, Алексей Георгиевич заглядывал в лес, где встречался можжевельник. Из веточек этого вечнозеленого деревца создавалась аккуратная метелочка.

Утром следующего дня Барсуков отправлялся в Шугозеро. Там он покупал две бутылки пива и, в предвкушении праздника, радостно входил в общественную баню, которая на всю окрестность славилась своей парилкой. Конечно, помыться можно было бы и в Камарах, в деревенской баньке, но он этого не любил. И пар не тот, и спешить надо, чтобы все успели помыться, да и с водой не разгуляешься. То ли дело в шугозерских сандунах.

Ах! какое это удовольствие охаживать березовым веником свое грязное, пропахшее потом тело. Как благодатно отзывалась на можжевеловый массаж зудящая, искусанная комарьем и слепнями кожа. А целебный банный пар, который успокаивал растяжения и разные ушибы? Ну и душевные беседы с приятелями на злободневные темы: вызрела ли за Красной горкой малина, какие виды на урожай клюквы, будет ли вторая волна боровиков? После деревенской нелюдности такие беседы были особенно желанны.

Еще издалека Барсуков почувствовал неладное: высокая банная труба не дымила. Когда он приблизился к бане, то увидел замок на двери котельной. Уже не питая надежд на помывку, он подошел к входной двери и прочел ожидаемый приговор: «РЕМОНТ».

Огорченный любитель банного пара перешел через дорогу и уселся на скамейку. Проходившие мимо парни сообщили, что в банной печи перегорела одна из стальных балок, на которых держится каменка, что печку будут разбирать, что ремонт продлится около месяца.

Мягко грело солнце, медово пахли липы, идти никуда не хотелось. Барсуков достал бутылку пива и осушил её в три приема, затем немного посидел и в растяжку разделался со второй бутылкой. Голова потяжелела, потянуло на сон. Вот тут-то и появилась баба.

Она медленно шла посреди дороги в сторону озера и несла на своих сутулых плечах большую вязанку травы. Голова бабы была повязана черным платком, из-под которого выбивались длинные патлы. На ногах красовались разбитые чёботы. Её согбенная фигура в длинном, бесформенном балахоне совершенно не гармонировала с ясным воскресным утром. Пожилая женщина подошла к скамейке, сбросила свою ношу на земь и плюхнулась рядом с Барсуковым, чтобы отдохнуть.

– С мужиком плохо, а и без мужика не сладко. Все сама да сама, – вслух пожаловалась баба.

Шугозеро

33. Баня в Шугозре

Затерянный край. Но баня была

Барсуков, посчитав не удобным молчать, вежливо осведомился:

– А, что с мужиком-то случилось?

– К другой ушел, паразит.

– Видать другая-то добрее была.

– Это верно, что добрее. Она ворованным спиртом торгует. Вот и припоила моего дурошлепа.

– Так, может еще вернется, – попытался обнадежить свою собеседницу Барсуков.

– Больше не вернется. Этой зимой замерз по пьяни.

Баба вздохнула так горестно, что Барсуков невольно повернулся и взглянул ей в лицо. Взглянул и удивился. Никакая это была не баба, а симпатичная и довольно молодая женщина.

– А, ты, наверное, в баню пришел? – спросила женщина.

– Пришел, да неудачно. Ремонт.

– Ну, теперь долго ремонтировать будут.

– Вот я сижу и думаю: где же мне теперь мыться?

Женщина немного помолчала, а затем подняла голову и, озорно блеснув глазами, то ли в шутку, то ли всерьез, выдала:

– А, ты ко мне приходи. И попарю, и спинку потру. У меня хорошая банька.

Барсуков вначале опешил, но тут же встряхнулся и натянул на себя маску ловеласа и кокета:

– А, что? И приду! «Укажи только точку на глобусе».

– Да, вон мой дом. Последний, у озера.

– Когда приходить-то? – осведомился Барсуков.

– Да, хоть в следующую субботу.

Всю неделю Барсуков занимался самоедством. Его мучило сомнение: идти к Рае, так звали женщину, с которой он познакомился у бани, или воздержаться? Вдруг она пошутила. Придешь, а тебе со смехом:

– Иди, иди. Бог подаст. Много вас, козлов, здесь шастает.

Наконец в пятницу он напустился на себя:

– Ну, что ты мнешься, как бздила с мыльного завода. Да любой мужик, лишь по одному намеку, мчался бы к такой женщине, задрав хвост.

В субботнее утро, уложив в рюкзак свежий веник и необходимые банные принадлежности, Барсуков отправился в Шугозеро. Вход в Раисин дом был не с улицы, а со стороны озера. Ограды было не видно из-за густых зарослей калины. Дорожка от калитки до дома была обсажена игольчатыми астрами. Вдоль стен дома возвышались разноцветные мальвы.

В доме молодца ждали. Хозяйка, одетая в яркий импортный халат, встретила гостя на крыльце. На веранде был накрыт стол. Рая пригласила гостя освежиться пивком. Прежде чем принять приглашение Барсуков развязал рюкзак и выложил на стол виноград, бананы, шоколад, кой-какую гастрономию, бутылку водки и бутылку вина. Рая все это отодвинула на край стола промолвив:

– После бани пригодиться.

Потенциальные любовники за столом не задержались. Выпив по стакану пива, они заторопились в баню. В предбаннике Рая сбросила с себя халат, оказавшись в рубашке беленого холста, которая держалась на плечах с помощью двух тонких лямок. Такие портновские сооружения назывались на Руси станухами.

Она улыбнулась гостю и сказала:

– Ты раздевайся, а я пойду с полка смахну.

Барсуков стал раздеваться, а когда дошел до трусов, то засомневался: снимать, не снимать. Но все-таки снял. Он посмотрел вниз на своё крепко загоревшее тело, на белую полосу от бедра до бедра, на устройство, принимавшее боевое положение; толкнул дверь и вошел в баню…

Барсукову очень понравилось мыться в Раиной баньке. Даже после возобновления работы общественныых терм он продолжал посещать баньку у озера, проводя время с приятсвенной Раей, свей статью напоминавшей красавиц с картин Кустодиева.

ЯГОДНИКИ

В сельской страде наступил перерыв: сенокос закончился, а уборка урожая еще не началась. Используя передышку, народ в массовом порядке устремился в леса. Азартно собиралась черника, голубика, а также грибы. Еще бы! Предприниматели-заготовители все это скупали за приличные деньги. А деньги в деревне всегда были очень нужны.

В пятницу к вечеру нанесло хмари и заморосило. Дождь, усиливаясь, шел всю ночь. А под утро превратился в ливень. Казалось, и лить-то было не с чего. Небо вместо туч было затянуто полупрозрачной пеленой. Тем не менее, небесный поток не иссякал. Заметно похолодало.

Поглядывая в окно, Барсуков осознавал, что сегодняшний поход в баньку у озера не состоится. Земля уже не принимала влагу. Меж грядами и на луговине стояла вода. Легко было представить, что должна была являть собой камарская дорога. И, тем не менее, Барсуков пару раз, в перерывах между сильными ливнями, накрывался легким полиэтиленовым плащом и пытался отправиться в поход, но каждый раз возвращался, щедро окаченный дождем.

Смирившись с неизбежным, он буркнул про себя: «Ладно, схожу в баню завтра». После чего прошел на кухню и приступил к приготовлению обеда. Обед у него состоял из одного, но густого блюда, которое жена Барсукова называла «сад-огород». Готовился «сад-огород» просто. В кастрюлю слоями укладывались нашинкованные овощи: морковь, капуста-кольраби, картошка, корень сельдерея, стручки спаржевой фасоли, бобы, помидоры, лук. Сверху клался кусок предварительно обжаренного мяса, и все это тушилось до морковной готовности. Поспевшее к употреблению варево выкладывалось горкой на тарелку, поливалось сметаной, обильно посыпалось зеленью и затем уплеталось с большим удовольствием.

В разгар шинковки капусты раздался стук в наружную дверь. Барсуков высунулся в сени и крикнул:

– Толкай сильнее! Не заперто!

В дверь бухнули и на пороге обозначились два мужика с рюкзаками за плечами. Они уже не оборонялись от водяных потоков, потому что были, несмотря на легкие плащики, мокрыми до самого, самого. Лица их посинели от холода.

Старший из мужиков прохрипел:

– Хозяин, пусти погреться.

– Заходите. И все снимайте прочь. Прямо здесь, в сенях.

Мужики стащили с себя липкие одежды, оставшись в мокрых трикотажных кальсонах.

– Снимайте и кальсоны.

– А, женщин в доме нет? – деликатно осведомился один из гостей.

– Нет. Я один.

Несколько минут спустя неожиданные гости, одетые в старые барсуковские шмотки, сидели за столом и с наслаждением прихлебывали из больших кружек горячущий чай.

– Откуда вы, мужики? – поинтересовался хозяин.

– С Хмелевич.

Хмелевичи были дальней деревушкой, за Пашой-рекой.

– Чего вас сюда-то потянуло. Под Хмелевичами же леса еще те!

– Леса-то большие, да черники в них нет.

– А чего плащей не захватили?

– Думали дождя не будет.

– А-а-а! Так вы с ночевкой?

– Ага – как-то неуверено протянул старший из гостей.

Барсуков растопил в комнате плиту и развесил над ней отжатую одежду ягодников. Он обратил внимание на их фирменное из плотного черного трикотажа бельё, которое по своему качеству резко отличалось от убогой верхней одежды, обычной для сельских ягодников. Затем он прошел на кухню и стал чистить картошку. Он хотел побыстрее накормить озябших людей чем-нибудь горяченьким. Картошку так просто чистить было скучно, поэтому он вернулся в комнату и включил проигрыватель.

Резко, тревожно вскрикнули фанфары, зарокотали литавры и барабаны. В камарской избе скорбно и величественно зазвучала Пятая симфония Малера.

ЧАРЫ ОПЕРЫ

В сороковых годах СССР широко и уверенно вышел на мировую арену. Но вышел каким-то непричесанным, с революционными замашками.

Чтобы придать своей державе более респектабельный вид, товарищ Сталин пошел на ряд косметических актов. Наркоматы были переименованы в министерства, народные комиссары стали министрами. Были одеты в форму шахтеры, железнодорожники, студенты, школьники. Помимо того, что детей засупонили в форму, их еще разделили по половому признаку и развели по мужским и женским средним школам (как бы гимназиям). По всей стране пооткрывали некие подобия кадетских корпусов: суворовские и нахимовские училища.

Преобразились и командиры Красной Армии. Они превратились в офицеров. К оторопи граждан, воспитанных в ненависть к золотопогонникам, бывшие комбаты, комбриги, комдивы расшиперились блестящими погонами.

Но, как известно, форма слабо влияет на содержание. Например, поручики голицыны, надев в заграницах шоферские кепе и краги, все равно, остались поручиками. А незамысловатые выдвиженцы от станка и плуга и в престижной униформе не могли, как говориться, ни ступить, ни молвить.

Вот и в случае с погонами. Как были наши вояки при кубарях и ромбах грубы, невоспитаны, несдержаны на слово и даже на руку, такими они остались и при звездочках и больших звездах. Наверное, для того чтобы попытаться привить будущим офицерам более приличные манеры, в программах суворовских и нахимовских училищ были предусмотрены уроки хорошего тона.

В Рижском нахимовском училище, где пребывал Барсуков, воспитанников учили как пользоваться вилкой и ножом, как прилично вести себя за столом. Тоненькие парнишки должны были уметь танцевать некоторые салонные и популярные бальные танцы. Для закрепления ритмических навыков, полученных ими на уроках танцев, в училище устраивались танцевальные вечера, на которые приглашались девочки из соседних женских школ. В белых пелеринках, с большими бантами в волосах, они были очень выразительны и в средневековом интерьере одного из круглых ярусов Пороховой башни, превращенного в танцевальный зал, походили на сказочных фей, которых изящно кружили под вальс «Березка», выдуваемый духовым оркестром, гибкие мальчики в романтичной морской форме.

Училищное начальство поощряло участие воспитанников в драматическом коллективе (развивалась правильная речь и умение свободно держаться на людях) и в училищном хоре (повышался интеллект и музыкальная культура). Нахимовцы очень часто посещали художественные выставки, музеи, театры.

34.

Бал в крепостной башне

Первая встреча Барсукова с Мельпоменой оказалась не в пользу драматической музы. В Русском театре драмы, как тогда и во многих других драмтеатрах и ТЮЗах страны, давали под Новый год для школьников инсценировку повести «Сын полка». Вот на эту-то драматическую поделку и был организован для нахимовцев всеучилищный культпоход.

Ваню Солнцева играла молоденькая травести. Она, изображая мальчика, много пищала и прыгала. Остальные персонажи громко кричали, размахивали руками и вели себя, по мнению Лешки Барсукова, как барыги на базаре во время шмона. Лешка впервые был в театре, и драматическое действо ему не понравилось. Что декорации, что игра артистов, все было неестественно. То ли дело кино! Нелюбовь к драме осталась у Барсукова на всю жизнь.

Совсем другое впечатление произвела на Барсукова опера. Хотя оперное искусство более условно, чем драматическое, но оно Лешку потрясло. Первой оперой для него явился «Князь Игорь». Сразу же с подъемом занавеса на мальчика-морячка, не имевшего оперного, театрального опыта, хлынул обильный поток впечатлений. Он не успевал следить за всем, что происходило на сцене, внимание его распылялось.

Вот из большой церкви вывалила толпа попов с крестами и иконами. В это время дирижер весь заизвивался, смычки дружно заходили взад и вперед, загрохотали барабаны. Пока Лешка пялился на ударников, в сценическом небе началось солнечное затмение. Это было здорово! Тут же толпа возле церкви дико забазлала, задергалась. Певцы стали петь каждый своё. Откуда-то появилась живая лошадь. Рядом с ней заблестел князь, весь в серебре. Не успел Лешка насмотреться на князя и лошадь, как начался военный парад. По сцене рядами шли

воины с копьями и мечами, женщины в длинных платьях махали платками, попы воздевали кресты. И на все это изливался мощный гул, производимый большущим оркестром.

Из театра Лешка вышел очумелым. Среди сумбурных впечатлений отчетливыми были лишь пляски кочевников и «О, дайте, дайте мне свободу!». Опера потрясла подростка. Теперь, при раздаче старшиной театральных билетов, Лешка неизменно просил два билета в оперу. Второй билет предназначался милой девочке, с которой он познакомился на танцах в училище. Девочку в театр приводила мама, она же, после представления, уводила её домой.

С подружкой в театре было интереснее, чем с ротными приятелями. Тем более, что мама давала девочке немного денег, которые молодые театралы тратили на конфеты. Чтобы хоть как-нибудь компенсировать девочкины затраты, безденежный Лешка приносил ей подарки: выковырянные из старого морского бинокля линзы и призмы, списанный флаг «рцы». От этих подношений девочка была в восторге.

До того как Лешку выперли из нахимовского училища, он успел побывать на шести операх, раз от разу все больше и больше влюбляясь в этот вид искусства. После, когда он учился в ФЗО, а затем работал на заводе «Арсенал», ему было не до музыки, и оперный театр он не посещал. Для этого дела не хватало ни только денег, но и приличной одежды. У Лешки был единственный замызганный пиджак, в котором он и за фрезерным станком стоял, и посещал кино, и ползал под вагонами на товарной станции. Пиджак был настолько промаслен, что его однажды не приняли даже в «вошебойку».

Раз в две недели для обитателей заводского молодежного общежития устраивалась помывка в бане, при этом проводилась санобработка пролетарских шмоток. Когда подошла очередь загружать в жарочную камеру Лешкино бельё, пожилой оператор камеры брезгливо приподняв двумя пальцами заслуженный, лоснящейся пиджак, проворчал: «Эта штука или вспыхнет, или взорвется» и отложил его в сторону.

В общественном транспорте приличные граждане сторонились Лешки, поэтому в трамвае он всегда устраивался на подножке. Однажды трамвай, где он привычно висел, уцепившись за поручень, обгонял колонну нахимовцев. В добротных черных шинелях розовощекие воспитанники дружно взывали: «Наверх вы, товарищи, все по местам!…» У Лешки ком подкатил к горлу. Ведь и он мог бы быть в рядах этих шикарно подтянутых молодых людей. И сразу же вспомнились товарищи по нахимовскому училищу, предотбойные задушевные беседы у огромного очага в одной из Шведских козарм, где размешалась Лешкина рота, морская практика, шикарная библиотека, культпоходы в театры. И вновь, в который раз, обожгло душу сожаленое: ах, зачем он достукался до того, что его отчислили из училища. И вот тогда на холодном ветру, в виду развевающегося военно-морского флага он дал сам себе слово обязательно стать морским офицером.

НЕАПОЛИТАНСКИЙ ОРКЕСТР

В Ленинграде у Барсукова тоже не было возможностей ходить в оперу. Днем он работал на «Линотипе», а вечером учился в школе рабочей молодежи, последовательно штурмуя 8, 9, 10 классы. Времени не хватало не только на театр, но и на кино и даже на заводские танцульки. На танцульки времени не хватало, а вот на освоение мандолинных партий Лешка умудрялся выкраивать минут сорок-пятьдесят в день. За счет обеденного перерыва.

На заводе красиво функционировало два самодеятельных коллектива: духовой оркестр и хор ветеранов. Завком решил создать еще один музыкальный ансамбль. На проходной появилось красочное объявление. Желающих научиться играть на мандолине или гитаре приглашали записываться в струнный оркестр. Барсукову очень захотелось освоить гитару. Но он запоздал с приходом в ансамбль, который его участниками теперь гордо именовался неаполитанским оркестром. Гитарные вакансии уже отсутствовали и его посадили на вторые мандолины. Барсуков был рад и этому. Наконец-то таинственная музыкальная грамота будет ему доступна. Он купил в магазине мандолину артикул №7 Фабрики музыкальных инструментов им. Луначарского и стал старательно отрабатывать тремоло и запоминать расположение нот на мандолинном грифе.

Руководил ансамблем выпускник консерватории, скрипач-пенсионер Иван Федорович Сундуков. Он очень гордился тем, что учился на одном курсе с Мишей Вайманом. После выпуска их пути разошлись. Вайману была уготована судьба лауреата различных конкурсов и гастролирующего солиста. Сундуков же сменив ряд второстепенных оркестров, работал перед пенсией в небольших ансамбликах при кинотеатрах, а «для души» играл на мандолине в неаполитанском оркестре при Дворце культуры им. Первой пятилетки.

Иван Федорович был очень старательным человеком. Не жалея личного времени, он в короткий срок натаскал свой ансамбль на исполнение двух вещей: «Светит месяц» и «Сулико». Старался он не зря. Приближался день выборов в Верховный Совет СССР и Сундукову с ансамблем было предписано принять участие в поддержании хорошего, праздничного настроения среди избирателей, которые, как всегда в день выборов, валом повалят на избирательный участок, чтобы успеть приобрести в организованном при участке передвижном буфете что-нибудь вкусненькое.

Наступил день голосования. При входе на разукрашенный знаменами избирательный участок звучали бодрые марши, исполняемые духовым оркестром. Избиратель, взбодренный напористой музыкой и пивом из буфета, растроганный пионерским салютом, который ему отдавали два пионера в парадной форме, стоявшие по обе стороны от избирательной урны, попадал на выходе из зала для голосования в небольшое помещение. Здесь маэстро Сундуков наносил последний праздничный штрих, оделяя избирателя либо грузинской, либо русской народной мелодией. Поскольку ансамбль мог исполнять только эти два музыкальных опуса, то к полудню утомленных мандолинистов и гитаристов натурально тошнило и от «Сулико» и от «Месяца». А может быть причина нездоровья заключалась в другом. В перерывах добрый Иван Федорович за свой счет поощрял музыкантов добрыми же порциями пива, которое начинающие лабухи, в тайне от маэстро, крепили заранее приобретенной водкой.

Потом-то были и «Марш мандолинистов» и «Вальс-фантазия» Глинки и многое другое. Участвуя в ансамбле, Барсуков настолько развил свои музыкальные способности, что, впо-

следствии, будучи курсантом военно-морского училища, организовал ротный неаполитанский оркестр. За помощью, в виде советов и нот, он часто наведывался на Моховую к добрейшему Ивану Федоровичу.

Здание завода "Линотип"

35. Лежневка

Период интенсивного наслаждения оперным искусством наступил для Барсукова во времена его обучения в Военно-морском училище, которое было расположено под Ленинградом в городе Пушкине. В те поры наслаждаться музыкой он предпочитал без компаньонов и компаньонок. Они мешали юному меломану. Известно, что при приглашенной в театр девушке, театральное действо становится для кавалера второстепенным. С приятелями-курсачами тоже было не до музыки. Их хватало максимум на два акта, после чего вся компания обязательно перемещалась в театральное кафе, которое в Мариинке славилось богатым набором крепких марочных вин, и опера дослушивалась в трансляции (для этой цели в кафе были установлены репродукторы). За период своего курсанства Лешка просмотрел весь репертуар Кировского и Малого театров оперы и балета. Некоторые оперы были им прослушаны два и более раз.

А вот балет он посещал не часто. И не потому, что балетная музыка простенькая, а из-за экзальтированности балетоманов, которые каждый балетный номер восторженно отмечали длительными аплодисментами, разрывая спектакль на отдельные концертные куски. Конечно, «Спартак» и «Лебединое» стояли особняком. Уже в своей взрослой жизни, когда приходилось часто выезжать в различные города Союза, он, будучи в командировке, обязательно посещал местный оперный театр, чтобы посмотреть «Лебединое озеро». Каждый театр ставил этот балет по-своему.

В Перми, например, это напряженная драма, точно разыгрываемая артистами балета. Дирижер не прерывал игру оркестра на аплодисменты балеринам. Лишь по окончании того или другого акта благодарная пермская публика взрывалась сочными овациями, восхищаясь мастерством танцоров и танцовщиц.

В Одесском же оперном театре «Лебединое» выглядело не очень ярко. В балете имеются сцены, где кордебалет, став на носочек одной ноги, а другую, оттянув назад, дружно подпрыгивает. Когда натуральные украинские балерины, по своей комплекции менее всего напоминавшие лебедей, начинали выполнять это упражнение, возникала опасность разрушения сцены.

КЛАССИКУ В МАССЫ

Пришла пора, когда Барсуков вместе со своими однокашниками засел за дипломный проект. После завершения расчетной части проекта начались графические работы. Чтобы немного скрасить однообразный и скучный чертежный процесс, мичмана-выпускники в складчину купили электрофон и, по настоянию Барсукова, три долгоиграющие пластинки с записью оперы «Травиата». Музыка Верди курсантам понравилась. Электрофон не молчал и часу. Через месяц дипломники знали оперу почти наизусть, а отдельные арии могли исполнить хором.

На ежевечерней строевой прогулке выпускной курс удивлял все училище. Старшина роты орал на всю улицу:

Р-р-рота! Ногу-у-у! Раз… Раз! …Запевай!

И из недр роты с посвистом с лихими выкриками исторгалась ария Жоржа Жермона:

– Не-бо посла-ло а-ан-гела. Фью!
Мне стари-ку на ра-а-дость. Эх!…

Откричав жалобы Жоржа, рота перехдила к стенаниям Виолетты:

– Умру-у но па-а мяти-и моей-й. Фью!
Прошу-у не изме-няй-й те. Эх!…

Вспоминая свою яркую юность, Алексей Георгиевич сокрушался:

«Теперь-то, конечно, никто не пропоет что-нибудь из Верди. Народ слов не знает. Руководящие музыкальные снобы, наверное, ради выпендривания, заставили оперных артистов петь иностранные оперы «на языке оригинала». И певцам стало трудно заучивать и озвучивать непонятную абракадабру, и слушателям – не в удовольствие задирать головы и читать титры перевода, постоянно отрываясь от действа. И хотя 99% зрителей предпочтут итальянской вермишели:

– Sempre libera degg io
foleggiare di gioia in gioia,
vo che scorra il viver mio
pei sentieri del piacer…

живой стих, в исполнении русской меццо-сопрано:

– Жить свободно, жить беспечно
В вихре света мчаться вечно,
И не знать тоски сердечной,
Вот, что мне дано судьбой…

пижонствующее меньшинство будет настойчиво игнорировать мнение зрительской массы».

Ох, как безосновательно катил Барсуков бочку на «руководящих музыкальных снобов», якобы преклонявшихся перед иностранщиной. Суть-то в том, что никакого снобизма и пижонства здесь и в помине не было, а был чистой воды прагматизм. И не «музыкальные снобы» вводили «язык оригинала» в оперную ткань, а опытные руководители музыкальных коллективов. Наверное, первым, кто принудил артистов петь по-итальянски, по-немецки, по-французски, был маэстро Гергиев.

И в добрые-то для музыкальных театров советские времена далеко не все оперные спектакли в Ленинградском Государственном академическом ордена Ленина театре оперы и балета им. С. М. Кирова шли с аншлагом, а уж о перестроечных-то временах и говорить нечего. В начале девяностых Кировский театр, переименованный в Мариинский, натурально загибался. Публика в театр не стремилась. Спектакли шли при почти пустом зрительном зале. В ту ваучерную пору народу было не до опер: и денеги на билеты – проблема, и стресс давил неотступно. Какой здесь театр? Выжить бы впору.

«Эва, как пригнуло петербуржцев, как морально их расплющило. Ленинградцы-то покрепче были. Они, даже находясь а осаде, тянулись к искусству», – рассуждал в те времена Барсуков, и на память ему приходило одно щемящее свидетельство очевидца. Таким свидетельством было давно запавшее в его душу стихотворение блокадника Глеба Семенова:

Собираются дистрофики
в довоенный этот зал.
Ветерок недоумения —
кто же их сюда зазвал?

Не обещено им ужина,
Ничего не купишь тут.
Ломтик хлеба нержавеющий
дамы в сумочках несут.

Кресла ежаться от холода,
половина их пуста.
Гордо валенками шаркая
на шикарные места.

Скрипачи вползли бесполые,
дирижер за ними вслед.
Закивали им из публики:
Сколько зим – и скольких нет.

То ли были, то ли не были —
легкий взмах и трудный вздох.
Не имея сил откашляться,
зал качнулся и оглох.

Не имея сил расплакаться,
сердце вышло за предел.
Неприложпый голос вечности
всем пространством овладел.

Отрубил все злые призвуки,
жалкий ропот приструнил.
Лейтенантик забинтованный
память в руки уронил.

Через толщу затемнения
мир забрезжил голубой.
Нимб дыхания сгущенного
встал над каждой головой…

Очень даже не ясно каким уж таким блестящим маэстро был двадцатипятилетний Валерий Гергиев, когда он в 1978 получил должность дирижера Кировского театра или, когда его в 1988 году, после ухода Темирканова в Филармонию, поставили главным дирижером Мариинки. По этому поводу имеются разные мнения. А вот в организационных способностях молодого осетина никто не сомневался. И справедливо! Возглавив в несчастные девяностые годы Мариинский Государственный академический театр оперы и балета, он, чтобы вытянуть коллектив из ямы, изменил репертуарную политику театра, он развернул театр лицом к Западу, он мощно активизировал зарубежную гастрольную деятельность.

Для покорения европейского зрителя вывозились за рубеж колоритные, загадочные русские оперы, а из иностранных опер – серьезные вещи, а не набившие оскомину «риголетты». Так, например, тетралогия Вагнера «Кольцо нибелунга» была с успехом исполнена мариинцами в Германии, Корее, Японии, США, Великобритании, Испании. Пресса назвала этот музыкальный вояж историческим. Понятно, что для западной публики вокал нерусских опер подавался «на языке оригинала». А как же иначе?

Очень скоро рядом с привычным брендом KIROV BALET появился свежий: KIROV OPERA.

Очень скоро в Мариинку густо пошел иностранный турист и уже не только на «Спящую» и «Жизель», но и на оперные спектакли. Ну как здесь не перейти на «язык оригинала»?!

Очень скоро зал театра, рассчитанный на 1600 мест, стал тесен. Тогда Гергиев построил Концертный зал на 1000 мест. Когда и этих площадей стало мало, по инициативе маэстро началось в охранной зоне города строительство Мариинки-2.

Такой вот разворот. А Барсуков-то как сокрушался: «Ах, бедные люди! Язык оригинала не понимают!». Чудак, право. Какие там люди, когда навар густел? Куй железо, как говорится, пока трамваи ходят! И Мариинка ковала!

Очень дорогим театром является Метрополитен Опера в Нью-Йорке. Но не самым дорогим. А титул самого дорогого музыкального театра следовало бы присвоить Мариинскому театру. Бывалые театралы подметили, что «билеты на premium-места в Мариинке почти в два раза дороже, чем в Метрополитен Опера, а на места похуже – в 5 – 10 раз. Учитывая, что средний доход петербуржца примерно в 5 раз ниже, чем ньюйоркца, получается, что билеты в Мариинку в 10 – 50 раз дороже, чем в Мете.»

Один из любителей оперы отреагировал на высокие цены в Мариинке такой гневной тирадой: «Администрацию Мариинки нужно просто выпороть за издевательство над народом, на деньги которого содержится театр».

МЫ ИДЕМ НА «АИДУ»

Барсуковы принимали своих немецких сватов. Ранее Марта и Юрген уже дважды побывали в Петербурге. В те разы Алексей Георгиевич расстарался и провел зарубежных гостей по многим, лакомым для туристов, объектам. Гости от души восторгались всем увиденным. Однако в данный приезд немецкая чета решила начисто проигнорировать достопримечательности Петербурга. Её заинтересовали Камары, Вепсский лес и вообще сельская глубинка России. Такой интерес возник от рассматривания альбома, в котором Барсуков разместил фотографии с экзотическими видами Камар и камарских окрестностей.

Марта и Юрген проживали в Вестфалии, в деревне Лёффельштерц. Их старинный трехуровневый дом с толстенными стенами, стрельчатыми окнами, широкими террасами, увитыми диким виноградом и плющом, был щедро обрамлен цветами, среди которых живописно выделялись кусты рододендронов и колонии благородных роз. Дом размещался посредине обширной прямоугольной лужайки, на которой росло несколько черешен и яблонь. Лужайка с трех сторон ограничивалась густющими, от самой земли, и высоченными, прям до неба, елями. Деревья были посажены в три ряда и очень часто. Они образовывали три плотных, высоких стены, в окружении которых дом казался готическим раритетом, помещенным в зеленый ларец. Это впечатление усиливали густые кроны ясеней, которые росли по обеим берегам речки, замыкавшей лужайку с четвертой стороны. Вверх от речки, от ясеней круто поднимался холм, поросший хвойными деревьями. В конце лета с холма на лужайку спускались олени, чтобы полакомиться опавшими яблоками.

Северный Рейн – Вестфалия это самая густонаселенная земля Германии. Там на каждый квадратный километр приходится по 526 человек. И дорог там так много, что они в совокупности напоминают мелкоячеистую сеть. По этой причине лесов в Вестфалии почти нет, а есть лесистые островки похожие на лесопарки, где произрастают деловые древесные породы, в основном дуб, бук, сосна, ель (такую ненужную чушь, как осина, береза, тополь немцы уже давно повывели). Почти во всех «лесах» проложены аккуратные дорожки, снабженные указателями прогулочных маршрутов.

Барсуков долго колебался: везти любопытных вестфальцев в Камары или под благовидным предлогом не делать этого? Хотя Марта и Юрген – деревенские жители, но сельская местность под Лёффельштерцем, совершенно не подобна камарской сельской местности, поэтому Алексей Георгиевич опасался как бы не впали в прострацию его рафинированные гости от камарских удобств во дворе, от грязи проселочных дорог, от непроходимых завалов в лесных чащобах. Но гости настаивали, и Барсуков решился.

Опасения Барсукова оказались напрасными. Гостям все казалось необычным в Камарах и всё их восхищало. Особенно это стало заметно после пересказа Барсуковым местных легенд о «других людях», о болотной Хозяйке, о летучих гадах. Слова: «супер», «колоссаль», «окей» были самыми ходовыми в их речи. И если Марту больше всего впечатлила ячневая каша с бараниной, пышно разопревшая в русской печи, и подовые пироги, то Юрген шалел от сельских дорог. Он с горящими от азарта глазами гонял барсуковский внедорожник по ухабистым проселкам и по жутким лесным дорогам. Особенно его зажигали лежнёвки – дорожные участки, замощенные бревнами: такого в Германии не встретишь.

До невозможности возбуждали немецких гостей и рисковые моменты. Однажды они под предводительством Барсукова возвращались по северному ходу домой с корзинами, полными подосиновиков, которые для немцев были редкостью. Понятно: раз в Вестфалии нет осин, то нет и подосиновиков. А может быть они и есть, но немцы их не собирают, наверное считают подосиновики и прочие опенки несъедобными грибами. Такое заключение Барсуков сделал неспроста. Бывая в Германии, он заметил, что из всего грибного разнообразия тамошние магазины предлагают покупателям лишь три вида грибов: белые, шампиньоны и лисички.

Уже при подходе грибников к деревне узрел Барсуков, что на дороге возятся две собаки. Он с удивлением подумал: «Откуда они здесь?» И тут же дошло: медвежата! По спине побежали холодные мурашки – рядом медведица! Чтобы спугнуть зверенышей, он истошно заорал. Тут же из придорожных зарослей высунулась медвежья голова, раздался короткий рык и медвежата стрелой метнулись в кусты. Барсуков обратился к зарубежным гостям, чтобы успокоить их, но вместо испуганных лиц увидел восторженные физиономии. Гости дружно гудели по-немецки: « У-у-у, медведи! Колоссаль!»

После камарской таежности посещение оперного театра – это контрастный шок, который организовал Барсуков для своих сватов накануне их убытия на родину. В тот вечер в репертуаре значилась «Аида». Эта опера с её квази-египетскими страстями Барсукову не нравилась, но вариантов не было, и он приобрел четыре билета в бенуар. Отправляясь с гостями в театр, он захватил с собой побольше денег, так как еще с курсантских времен усек, что после посещения театрального кафе спектакль воспринимается намного ярче, чем до посещения: и оркестр звучит боле сочно, и солисты поют, вроде бы, вдохновеннее. Администрация Мариинки, ради отмазки от обвинений в излишней коммерциализации, пускала в продажу так называемые льготные билеты, которые были в 4 – 5 раз дешевле основной билетной массы, рассчитанной на состоятельных граждан и на иностранцев (билет в Мариинку входит в стоимость тура). Это есть хорошо, но таких билетов поступало в продажу слишком мало и не на все спектакли. Особенностью льготного билета было то, что воспользоваться им мог только гражданин России.

Зря Барсуков беспокоился о том, что его гости получат негативное впечатление от посещения Камар. Там-то как раз все было нормально. Тайга, она и есть тайга. А негатив излился на вестфальцев совершенно в неожиданном месте, в культурном центре «культурной столицы».

Едва Барсуковы со своими гостями вошли в фойе Мариинки, как сразу же обратили внимание на странную группу. Возле контроля стояла высокая девушка с лицом явно скандинавского типа. Она растерянно хлопала глазами и смущенно улыбалась. Рядом с ней, громко всхлипывая, вытирала слезы пожилая ленинградка. Женщину неловко успокаивал парень, очевидно её сын. По репликам публики Барсуков быстро понял в чем суть коллизии.

Парень живет в Финляндии. Он приехал с невестой в Питер чтобы познакомить её со своей мамой, а заодно – показать иностранке великий город и его культурные центры, в частности Мариинку, для посещения которой и были им приобретены три льготных билета. Парень был явно не театрал и, скорее всего, не ведал о местных билетных тонкостях, то есть не знал, что его невесте льготный билет не положен. А может быть и знал, да подумал: « И так сойдет. Пройдем. Ведь это же не погранконтроль. Паспорт не потребуют». А капельдинершам Мариинки паспорт зрителя был и не нужен. Они с одного взгляда, по выражению лица, по одежде, по поведению, вычисляли иностранца. И если у того был неполноценный билет, вежливо спрашивали на четком русском языке: «Скажите, пожалуйста, как ваша фамилия?». В ответ ино-

странец тушевался, молчал и как следствие, не допускался в храм искусства. Хамство, конечно. Но, ау!

Что нужно делать в таких случаях, Барсуков знал. Он сам однажды побывал в подобной ситуации. В таких случаях нужно обратиться к администратору и доплатить до стоимости полного билета.

Алексей Георгиевич решил помочь незадачливому парню и потащил его к администратору. Там выяснилось, что денег у парня не густо, а живет он в Купчино, значит пока он смотается за деньгами и вернется обратно, Радамеса с Аидой, скорее всего, уже замуруют.

«Помогать, так помогать!», – решил Барсуков и полез в карман за деньгами. Он отсчитал от своей буфетной суммы недостающее до полной оплаты билета количество рублей и передал деньги парню, тот приложил к ним свою часть денег и вручил все это администратору. Проблема была решена.

Мама с сыном жарко благодарили Барсукова за оказанную им помощь, при этом парень, чтобы не быть должником, упорно пытался узнать барсуковский адрес. Прекращая благодарения, Барсуков галантно изрек: «Считайте мой взнос скромным подарком вашей милой девушке. Желаю вам приятно провести вечер и получить массу незабываемых впечатлений», – а про себя подумал, что они уже и так крепко впечатлены и надолго запомнят и «Аиду» и Мариинку.

Барсуков удивился: помимо взволнованной троицы, которую чуть было не лишили возможности приобщиться к творчеству Верди, впечатлены были и Марта с Юргеном. Они никак не могли понять почему человека с билетом не пропускают в театр, почему у него спрашивают паспортные данные, почему билетерши делят зрителей на «наших» и «не наших». Барсуков не стал что-либо объяснять иностранцам, так как они все равно не въехали бы в российскую специфику.

А, «Аида» немецким гостям понравилась. И не удивительно. Надо полагать, что жители Лёффельштерца не избалованы частым посещением их деревни оперными труппами. Барсуков же отнесся у спектаклю критически. И режиссура заформализованна, и солисты статичны, и декорации старые. Скорее всего на скептическое восприятие спектакля нашим музыкальным пижоном повлиял неприятный случай с билетами. Хотя следует отметить, что уже к пятидесяти годам Барсуков охладел к опере, особенно к итальянской.

ЭКСПОЗИЦИЯ, РАЗРАБОТКА, РЕПРИЗА

В период активного увлечения оперой Барсуков стал посещать и симфонические концерты. По первости симфонии показались ему обширными и суматошными, похожими на бурною стихию. Там, на взволнованную музыкальную поверхность беспорядочно, как казалось юному любителю музыки, всплывали куски мелодий, тут же увлекаемые в гремящую пучину водоворотами мощных аккордов и стремительных пассажей.

Однако очень скоро Барсуков понял, что симфония – это не стихия, а очень упорядоченная материя, разделенная, как правило, на четыре части.. Помог ему в этом понимании скромный справочник «Для слушателей симфонических концертов».

Из справочника следовало, что первая часть симфонии вовсе не сумбурный, как ему в начале казалось, набор мелодических отрывков, а стройная музыкальная форма, которая состоит из трех основных разделов. Первый раздел называется *экспозицией*. В ней композитор показывает главную тему (основную мелодию), за которой следует вторая мелодия (побочная тема). Затем идет *разработка*. В ней темы, показанные в экспозиции, развиваются, вступают в противоречие друг с другом. Мелодии сталкиваются, переплетаются. Неустойчивость, напряженность разработки разрешается в третьем разделе – *репризе*. Здесь композитор восстанавливает первоначальный облик тем и, либо примиряет основные образы, либо углубляет различие между ними. Такую структуру построения музыкального опуса специалисты называют сонатной формой.

Вторая часть симфонии носит лирический характер. В ней разворачиваются картины и проявления природы, человеческие чувства. Третья часть – это, обычно, вальс или скерцо (у старых мастеров – менуэт), где разрабатываются жанровые сюжеты, бытовые моменты. Финальная, четвертая часть является итогом, выводом из предшествующего и обычно носит оптимистическую направленность. Музыка здесь чаще всего – подвижная и упругая.

В справочнике все было изложено ясно и четко. Симфоническая же действительность была не такой простой. Барсуков никак не мог ощутить, где кончается разработка и начинается реприза. Симфонии могли быть не только четырехчастными, но и трехчастными и пятичастными. Финал совсем не обязательно излучал бодрость. Напаример, Шестая Чайковского заканчивалась так мрачно, что любой траурный марш по сравнению с этой концовкой казался вполне оптимистичным произведением. Условным оказалось и тематическое разграничение частей симфонии на лирические и жанровые. Многие композиторы этой условности не придерживались. Так, Вторая симфония Рахманинова – эта сплошная лирическая песнь в честь русской природы.

Барсуков решил, что в симфонии ничего не надо градировать и разграничивать. Нужно только чутко слушать музыку и душевно ощущать её сладость.

Очень скоро Барсуков начал получать удовольствие от прослушивания симфонической музыки. А затем настал период, когда прежде любимая им оперная музыка стала казаться шлягерной, неинтересной (за исключением опер Вагнера), и он полностью переключился на симфонии.

Переболев однообразными Гайдном и Моцартом, насладившись романтизмом Мендельсона и Шумана, оценив величие Чайковского и Бетховена, матерый Барсуков, уже в очень зрелом возрасте, увлекся творчеством Густава Малера.

Симфонизм Малера был высшей пробы. Потоки мелодий, великолепная оркестровка, философское содержание – все это, по мнению Барсукова, ставило Малера на самое первое место среди композиторов-симфонистов. Тем не менее симфонии этого австрийца (то ли из-за сложности исполнения, то ли из-за трудности восприятия) исполнялись очень редко и почти не звучали в эфире. Поэтому Барсуков приобрел диски с записями всех девяти симфоний Малера, привез их в деревню и с удовольствием проигрывал один за другим.

Малер питал слабость к медным и ударным. В его симфониях часто звучат военные сигналы, маршевые ритмы, громы сражений. На этом фоне Пятая симфония, мощные аккорды которой уже вовсю гремели в барсуковской хижине, имеет некоторые особенности. Нет, в ней тоже присутствуют четкие ритмы, и рокотом барабанов она не обижена, но есть в ней одна удивительная часть, в которой не участвуют не только медные и ударные, но даже и деревянные. Это Adagietto – совершенно потрясная в своей нежности и таинственности сладчайшая музыкальная композиция. В ней на нежный фон тягучей упоительной мелодии, исполняющейся струнными, мягко ложатся бархатные арпеджио арфы. И всеми фибрами души, независимо от настроения и сиюминутных дерганий, ощущаешь дурость и бренность окружающей тебя действительности.

Только Барсуков вздумал слить воду со сварившейся картошки, как в избе зазвучало это удивительное Adagietto. Уже через минуту ягодники, только что нудно бухтевшие за столом, замолкли. Волшебная музыка проняла и их, этих простых деревенских жителей.

– Ай, да музыка! Что это такое играют? – спросил более молодой ягодник своего старшего товарища.

– Это Малер. «Смерть в Венеции».

Барсуков от удивления чуть не выронил из рук кастрюлю с картошкой: простой мужик из глухой заречной деревушки знает Малера. Но удивление тут же сменилось острой настороженностью. В России малеровская Пятая симфония никогда не называлось «Смертью в Венеции». Так называют её только в европах, где любят разную звучную мишуру. А прилипло к ней это название после выхода на экраны фильма «Смерть в Венеции», в котором герой умирает под звуки Пятой симфонии Малера. В голове Барсукова нервно забился вопрос:

– Откуда простому селянину из затерянной российской глубинки известно европейское название этой симфонии?

Дождь прекратился, и ягодники засобирались домой. Они натянули на себя еще влажную, но очень хорошо прогретую печным жаром одежду. При этом Барсуков вновь, но уже с подозрением, уставился на одинаковое фирменное нижнее бельё ягодников. Он поинтересовался:

– Трикотаж у вас, мужики, хороший. Где купили?

– Сын из Латвии прислал, – поспешил ответить один из гостей.

Ягодники попрощались, неуклюже спустились с крыльца и, пересекая деревню, направились к камарской дороге. Когда Барсуков стал убирать со стола посуду, он под одной из тарелок обнаружил сотенную купюру, оставленную ягодниками. Это было все! Это было не по-нашему! В России гостеприимство всегда оплачивалось гостеприимством и никогда – деньгами.

Теперь Барсуков был почти уверен, что странные люди, посетившие его, – не жители Хмелевич, что они вообще не здешние. Чтобы проверить свои подозрения он отправился к тетке Дарье, которая прекрасно знала всю округу. Только он вошел к ней в избу, как хозяйка, процеживавшая на кухне молоко, спросила его:

– Кто это был у тебя, Ляксей?

– Ягодники. Сказались, что из Хмелевич.

– Ты что-то не то плетешь. Хмелевицкие в жисть к нам не хаживали. Ни за грибами, ни за ягодами. Этого добра у них у самих через верх.

Она немного помолчала и добавила:

– Да и ходить-то в лес там некому. На всю деревню три бабки древние, да дед Кузьма-контуженый.

– Может быть, к кому-нибудь из них гости приехали.

– Нет. Туда уже давно никто не приезжает…

Тетка Дарья продолжала что-то говорить, но Барсуков уже её не слушал. В голове, как колокол, бухало:

– Это шпионы! Это шпионы! Это шпионы!

Полчаса спустя Барсукова можно было видеть на камарской дороге. Он, громко ругаясь, протаскивал через грязь и лужи свой боевой велосипед. Пробивался он к шоссе, имея намерение добраться до Шугозерского отделения милиции и сообщить официальным лицам о подозрительных, шпионского вида, личностях, которых он ныне потчевал картошкой.

Ругался он не потому, что на скользкой дороге было трудно управляться с велосипедом. Эти упражнения за время проживания в Камарах стали для него привычными. Извержение же мата происходило по причине обычной барсуковской нерешительности. Таким образом он подбадривал себя, поскольку опасался как бы его в милиции не подняли на смех. Мол, какие еще шпионы? В нашей-то глуши?

Он уже хотел было вернуться домой, но подумал: «Посмеются, не посмеются, а ехать все равно надо: хлеб кончился. Пройдусь по магазинам, попью пивка, куплю хлебушка, да заодно и помоюсь. Баня-то, наверное, еще не остыла».

«ДЮГОНЬ»

Военный завод, расположенный на Пороховых был хорошо известен западным спецслужбам. Шпионские конторы знали, что это предприятие производит взрыватели для противопехотных и противотанковых мин. Данное боеприпасное производство не особенно интересовало иностранные разведки. Обыкновенный завод, рядовая продукция. Более двух сотен заводов подобного рода было разбросано по всей территории Союза.

После свертывания производства взрывателей, а затем и полного демонтажа завода, Вепсский край совсем перестал интересовать любопытных людей по причине отсутствия объектов для любопытствования. На его обширных пространствах не прятались по лесам танковые дивизии, не стояли на дежурстве стратегические ракеты, не располагались аэродромы и полигоны, не функционировали секретные, оборонные производства. Единственной охраняемой зоной на все Затихвинье была затерянная в дальнем восточном углу района колония для наркоманов, да и ту недавно ликвидировали. После отмены закона об уголовном преследовании нарков.

Космический мониторинг стабильно показывал полную безмятежность края. Сравнивая фотоснимки разных годов, вражеские операторы видели как в Затихвинье исчезают деревни, зарастают лесом поля, пропадают дороги. В последнее время они даже не анализировали космические снимки этого района, ограничиваясь беглым их просмотром.

Спокойствие нарушил молодой сотрудник, который, в своей неофитской тщательности и пунктуальности, обнаружил при исследовании фотодокументов одну странность.

Через территорию Тихвинского района проходило большое количество линий электропередач. Каждая из них, подавая энергию фермам, мастерским, деревням, оканчивалась в какомлибо населенном пункте. И только одна ЛЭП, пересекавшая Пороховые, шла в никуда. Её последняя опора стояла возле Юферовского болота. И всё! И дальше ничего!

И эта ЛЭП не была рудиментом военного завода. Ту, заводскую электролинию демонтировали давно, еще в пятидесятые годы.

Это было странно!

Обнаружилась еще одна особенность. Все опоры странной ЛЭП были стальные, выполненные в виде мачт. Кроме одной. Эта единственная опора (пятая, считая от последней, вросшей в Юферовский мох) имела вид треноги. Каждая её «нога», скорее всего, являлась бетонной трубой.

Это уже было подозрительно!

Срочно организованная разведка на местности показала обоснованность возникших подозрений. От каждого из трех проводов ЛЭП, висевших над «треногой», отходило по кабелю, Каждый кабель исчезал в полости одной из «ног». Из сведений, полученных за небольшое вознаграждение от сотрудника «Тихвинэнерго», следовало, что по этой линии подается такое количество электроэнергии, которого хватило бы на обеспечение жизнедеятельности небольшого города. Несколько деревушек, подключенных к странной ЛЭП, потребляли

не больше пяти процентов от всего этого потока электричества. Куда же девались остальные 95%? Ответ напрашивался сам собой: остальные 95% уходили по трем фидерам под землю, в районе «треноги». На основании этих данных западные специалисты пришли к выводу, что под землей в зоне бывшего завода на Пороховых находится очень энергоёмкий объект.

Интерес к недавно безмятежному району возрос неимоверно. Удовлетворить его было, вроде бы, не очень трудно. Ранее могучие и вездесущие органы государственной безопасности ныне пребывали в состоянии, близком к анемии. Ранее неприступные, закрытые на замок, границы государства теперь щерились широченными дырами.

В район Пороховых были направлены разведчики. Для их прикрытия липовая компания по липовому же договору с Тихвинским фарфоровым заводом начала проводить в этом районе изыскания и буровые работы «в поисках залежей каолина». Чтобы не вызвать подозрений «геологи» не лезли на Пороховые, а бурили на околицах окрестных деревень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.